

ГАРОЛЬД БЕЛЛ РАЙТ

ПОБЕДА

БАРБАРЫ УОРТ

Дикий Запад • Ковбои • Любовный Треугольник
• Пустыня • Вода

Харольд Белл Райт
Победа Барбары Уорт

«Автор»

2026

Райт Х.

Победа Барбары Уорт / Х. Райт — «Автор», 2026

Дикий Запад, начало XX века. На границе Аризоны и Калифорнии лежит проклятая земля — раскалённая пустыня, что индейцы зовут «Ладонью Божьей Руки». Именно здесь однажды находят умирающую от жажды девочку по имени Барбара — и с этого дня её судьба навсегда сплетается с судьбой пустыни. Годы спустя одержимый мечтой инженер и хладнокровный банкир-финансист затевают немыслимое: обратить вспять реку Колорадо и превратить смертельную пустошь в цветущий край. На кону — состояния, репутации и жизни тысяч поселенцев. Против них — беспринципная корпорация, алчность капитала и сама стихия, готовая обрушить на людей всю свою неукротимую ярость. Роман-вестерн о золотой лихорадке освоения Дикого Запада, о схватке человека с природой, пустыней, водой и с самим собой, о любви, что вырастает среди песков, и о цене, которую платят за великие мечты.

© Райт Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА I	5
ГЛАВА II	13
ГЛАВА III	22
ГЛАВА IV	26
ГЛАВА V	35
ГЛАВА VI	42
ГЛАВА VII	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Харольд Белл Райт

Победа Барбары Уорт

ГЛАВА I

В БЕСКОНЕЧНОСТЬ ДАВНО МИНУВШЕГО

Упряжка Джефферсона Уорта — четыре мула и большой фургон — тронулась в путь из Сан-Фелипе на рассвете, держа курс на Рубио-Сити. От раскачивающихся красных кистей на уздечках передних мулов до оцинкованного ведра для воды, болтавшегося на задней оси, весь этот караван имел безошибочный вид достатка. Фургон был нагружен только добротным укомплектованным ящиком с провизией, немногими необходимыми лагерными принадлежностями для готовки, одеялами и брезентовым тентом, тюками ячменя и сена для упряжки, да двумя пустыми бочками для воды. На пружине сиденья возницы, на брезентовом ремне, висела большая фляга, обтянутая тканью. Позади возницы было ещё одно сиденье, такое же широкое и удобное, но человек, державший вожжи, был, по всей видимости, один. Самого Джефферсона Уорта в упряжке не было.

Отправив тяжёлый фургон вперёд, а сам решив нагнать его позже на более быстрой упряжке с лёгкой двуколкой, мистер Уорт мог присоединиться к своему каравану в лагере уже этой ночью, выгадав тем самым по меньшей мере ещё полдня для дел в Сан-Фелипе. Джефферсон Уорт, как он сам любил говаривать, «считал, во что обходится время». В сущности, Джефферсон Уорт считал, во что обходится почти всё на свете.

Так вот, Сан-Фелипе, надо вам сказать, — это место, куда приходят большие корабли и где воздух пропитан электричеством торговли, ибо люди со всех земель, гонимые главной страстью рода людского — Хорошим Делом, — ищут здесь каждый своего.

А Рубио-Сити, хоть и рождённый той же самой главной страстью человеческого рода, — это место, где тонкий край цивилизации истончается почти до предела: на реке Колорадо, за много миль от Береговых хребтов, на дальней стороне той жуткой земли, где иссушенный жаждой воздух насыщен могильной тишиной несчётных веков.

Между этими двумя средоточиями людской деятельности, столь несхожими и всё же столь похожими, — а стало быть, пересекая землю, о которой пойдёт мой рассказ, — пролегла лишь грубая тропа: двести с лишним миль тяжёлого и одинокого пути, единственный след человека во всей этой унылой пустоши, и след этот на каждой миле был отмечен могилами людей да выбеленными костями их скота.

Всё то утро по обе стороны от каравана билась и торжествовала прекрасная жизнь прибрежного края. Она звала с вздымающегося океана множеством сверкающих парусов и тёмным стелющимся дымом пароходов под широким небом; она пела из гавани, где гружёные корабли встречают длинные составы, идущие и уходящие по своим континентальным делам; она громко кричала с людных улиц деревень и городов и смеялась с полей и садов. Но дорога неизменно вела к тем горам, что вздымали свои дубравные плечи и хвойные гребни поперёк пути, точно в мрачном и торжественном предостережении всякому, кто осмелится обратить лицо своё к жуткой земле нужды и смерти, лежащей по другую их сторону.

Ближе к полудню с каждой милей пейзажи становились всё безлюднее, и наконец в предгорьях эта ползущая крупница жизни на старой жёсткой тропе была забыта деятельным миром позади — так же, как, казалось, и сама она забыла, что где-то ещё есть жизнь, кроме её собственной, ползущей.

Пока взмокшие мулы упрямо тянули вверх по крутым подъёмам, человек на высоком сиденье фургона платил безучастностью на безучастность окружающего. Не тронутый суровой хмуростью гор, равнодушный к их торжественному предостережению, он занял в этой пустынной картине место такое же естественное, как сами холмы. Развалившись вольно на сиденье, он не сводил внимания ни с чего, кроме упряжки да дороги впереди. Когда он заговаривал с мулами, голос его звучал мягким, добродушным протяжным говорком, точно доносился из приятной полудрёмы, и хотя слова его нередко были крепкими, до животных они долетали на подводном течении товарищества и понимания. Длинный кнут со свёрнутым бичом лежал в гнезде на краю сиденья. Остановки были частыми. Умудрённый мудростью неогороженной страны и знающий лежащую впереди землю, этот возница берёт каждую унцию сил своей упряжки на случай, если понадобится многое.

Они медленно тянулись через отрог холма, когда пристяжной мул слева вдруг рванулся с такой силой, что лишь инстинктивная стойка его товарища по постромкам удержала их от того, чтобы сорваться под откос. В тот же миг та же выходка повторилась и у коренников, только не так резко, — и разомлевшая было фигура на сиденье мгновенно ожила. Резкий сильный рывок вожжей, отрывистый окрик: «Эй, Бак! Молли!» — и целый залп крепких слов вернул всю четвёрку на узкую дорогу прежде, чем передние колёса успели сойти с колеи.

С грохотом был брошен тяжёлый тормоз. Упряжка встала. Приподнявшись и обернувшись назад, возница переложил вожжи в левую руку, а правой потянулся к бедру. Движением, слишком быстрым для глаза, свободная рука выпрямилась, и горы дико откликнулись эхом на громкий выстрел «сорок пятого». У обочины, позади фургона, гремучая змея развернула своё тело и медленно забила в пыли.

Прежде чем эхо выстрела успело стихнуть, из глубины фургона вырвался яростный, нечленораздельный рёв. За рёвом хлынул поток брани, произнесённой безошибочно ирландским говором. Возница, вгонявший в барабан свежий патрон, поднял глаза и увидел человека, что, ухватившись за спинку заднего сиденья, неверными движениями поднимался на ноги.

Ирландец, стоявший теперь и свирепо глядевший на того, кто столь бесцеремонно разбудил его, был без шляпы и без куртки; клочья сена приставали к грязной рубахе, распахнутой на волосатой шее, — и являл собою фигуру примечательную. Его тяжёлое тело держалось на ногах, точно на столбах; широкие плечи и глубокая грудь, с руками под стать ногам, были так огромны, что казались почти нелепыми; круглая голова с копной взлохмаченных рыжеватых волос сидела на толстой бычьей шее, а по всем крупным его костям буграми и узлами перекатывались твёрдые мышцы. Нетвёрдая стойка, красное небритое потное лицо и налитые кровью сердитые глаза говорили сами за себя о причине такого сна в столь неудобных условиях. Молчаливый возница разглядывал своего грозного пассажира спокойными глазами, в тёмной глубине которых, казалось, таилась тайна многих тихих ночей под тихими звёздами.

Голосом, что рокотал из его волосатой груди — хриплым, угрожающим рычанием, — ирландец потребовал: «Какого ж чёрта тебе зандобилось нарушать покой таким гвалтом? Да за глоток воды я бы к тебе сам своими руками подобрался».

Спокойно опустив револьвер в кобуру и указав на флягу, что висела на боку фургона, притянутая брезентовым ремнём к пружине сиденья, тот протянул мягко: «Вон вода. Угощайся, приятель».

Гладиатор без единого слова потянулся за флягой и огромными волосатыми лапищами поднёс её к губам. Сделав глоток невероятной длины, он испустил долгий вздох и утёр рот тыльной стороной ладони. Затем снова обратил свирепый взор на возницу, точно желая разузнать, что за человек перед ним, столь бесцеремонно бросивший вызов его угрозе.

Ирландец увидел человека высокого и худощавого, но той жилистой, крепкой и гибкой сухопарости, что придавала ему вид, будто самым ветром и солнцем вытесан. Он тоже был без куртки, но носил незастёгнутый жилет поверх свободной грубой рубахи. Красный пла-

ток был небрежно завязан на шее. С его широкополой высокой шляпой, грубыми штанами, заправленными в высокие сапоги, кожаными манжетами на запястьях и небрежно подпоясанным патронташем с длинным сорок пятым, весь его наряд выражал вольную свободу диких земель, а тёмное худое лицо, оттенённое чёрными как смоль волосами и длинными прямыми усами, хранило облик широких, выжженных солнцем равнин.

С хмыканьем, в котором могло звучать как одобрение, так и презрение, ирландец повернулся и, порывшись в фургоне, извлёк жалкое подобие шляпы. Затем, наклонившись снова, на сей раз между тюками сена, поднял куртку — достойную пару шляпе. Тщательно он ощупал карман за карманом. Поиски его увенчались короткой глиняной трубкой и половиной спички — не более. С усилием он обшарил карманы штанов. Затем снова обыскал куртку, бормоча себе под нос обрывки фраз, от того не менее выразительные, что были незакончены: «Куда ж, дьявол его дери... Ну не дела ли... Вот уж...» С характером, не улучшившимся от такой потери, он с досадой швырнул одежду наземь и сердито поднял глаза. Молчаливый возница как раз протягивал ему кисет с табаком.

Ирландец, снова хмыкнув, забрался под пустое сиденье и, тяжело перелезая через спинку переднего, грузно уселся рядом с возницей. Не спеша, обстоятельно набив трубку, он вернул кисет владельцу и чиркнул половинкой спички о свою похожую на столб ногу. Заслонив ладонями крохотный огонёк, прежде чем поднести его к трубке, он задумчиво заметил: «Ну и отчаянный же ты дурак — этак нарушать мой честный сон, паля из своей пушки. Есть у меня мысль проучить тебя за подобное безобразие». Последнее слово потонуло в громких, чмокающих затяжках — он раскуривал огонь в чашечке трубки под самым носом.

Пока ирландец повторял свою угрозу, возница ловким движением скрутил самокрутку и, наклонившись как раз вовремя, поделился огарком спички со своим ворчливым соседом. В тот миг голубые глаза над трубкой встретились прямо с чёрными глазами над самокруткой, и слабый огонёк одобрения ответил серьёзному взгляду понимания.

Собрав вожжи и тщательно их разобрав, возница обратился к упряжке: «Эй, Бак! Молли! Джек! Пит!» Мулы дружно налегли. И снова тишину древних, как мир, холмов разбил дребезжащий грохот тяжело окованного фургона да звон и стук подкованных копыт.

Ирландец с невозмутимым видом посасывал короткую трубку, сиденье фургона тяжело оседало под его весом на каждом толчке колёс, а из-под истрёпанных полей его шляпы свирепые глаза озирали дикий пейзаж, время от времени искоса поглядывая на своего молчаливого, безучастного соседа.

Упряжку снова остановили передохнуть на тяжёлом подъёме. Долго и внимательно ирландец озирался вокруг, а затем, резко повернувшись к всё ещё молчаливому вознице, целую минуту смотрел на него, прежде чем произнести с нарочитой, шутливой церемонностью: «А может, сэр, коли уж вы этакий адский говорун, не утомит ли вашу словесную мощь сверх всякой меры, коли осмелюсь я спросить, что за чёртово место это такое?»

Мягкий, неспешный говорок другого ответил: «Само собой. Это вот Ничьи горы впереди».

«Ничьи, значит; да оно и похоже. А куда, говоришь, ты путь держишь?»

«Мы держим на Рубио-Сити. Это вот старая тропа Сан-Фелипе».

«Ага! Стало быть, едем мы в Рубио-Сити, вот оно как? Мне-то это всё равно что нигде вовсе. Ну что ж, любопытная новость. Едем мы в Рубио-Сити. Может, сообразоволяйте объяснить мне, сэр, как я вообще сюда попал?»

«А то как же. Ты сюда попал в этом вот фургоне, из Сан-Фелипе».

От протяжного ответа горячая кровь бросилась в лицо вспыльчивому ирландцу, и жилы на его толстой шее вздулись, точно готовые лопнуть. «Меня зовут вовсе не Майк, а Патрик Муни!» — взревел он. — «У меня две добрых глаза в голове, чтоб самому разглядеть твой чёртов старый фургон, и уж тем более две добрых руки, чтоб разломать тебя на куски за эта-

кую наглую вяленую селёдку, что возомнила, будто может увозить меня куда вздумается, похитивши без моего на то согласия. За глоток воды я бы к тебе...» Он резко обернулся, потому что возница спокойно указывал в конец сиденья. «Это что? Что там такое?» — потребовал он.

«Вода», — протянул темнолицый. — «Не думаю, чтоб ты выпил её всю в тот раз».

И снова здоровяк поднял флягу и пил долго и жадно. Утерев рот тыльной стороной волосатой ладони и вернув флягу на место, он повернулся к соседу — голубые глаза его блестели неподдельным одобрением. Задумчиво почесав затылок, он сказал: «И всё из-за того, что захотелось мне вкусить благ да радостей цивилизации снова, после трёх долгих месяцев в том чёртовом изыскательском лагере, — что есть право всякого здорового человека с деньгами в кармане».

Возчик тихо рассмеялся. «Уж ты вкушал их, это точно, да вдоволь».

Тот взглянул на него с пробудившимся интересом. «Ты там был?» — спросил он.

«Малость», — последовал лаконичный ответ.

Ирландец снова озадаченно почесал затылок. «Совсем не припомню. Была там, случаем, какая заваруха?»

Тот усмехнулся. «Малость пошевелились, было дело».

Патрик Муни кивнул головой. «Ага: обычно так оно при таких обстоятельствах и бывает. А полиция там, само собой, была — один, а то и двое?»

«Пятеро», — сказал человек с вожжами, мягко.

«Пятеро! Матерь Божья! Не ударил я в грязь лицом. И фургон у них был? Само собой — пятеро полицейских пешком отродясь не ходили. Один бы, может, и пришёл, кабы удобно было, но пятеро — никогда! Скажи мне, приятель, кто ж ещё был на этом празднике? Нет — постой-ка минутку!» — перебил он сам себя. — «Эти самые копы малость освежают мне память. Не было ль там ещё компании матросов с одного из тех больших кораблей?»

Возница кивнул.

Тот, довольный успехом своих умственных усилий, продолжал: «Ага — а я мирно попибал вместе с ними, покуда кто-то не отпустил наглое замечание насчёт моей наружности, а не то моих предков, уж не упомяну чего именно. Но ты-то где был?»

«Ну, видишь ли, — принялся объяснять возница на свой неспешный лад, — дело было так. Тот самый салун был битком набит матросами, все, кроме тебя да меня. Я изрядно любовался, как ловко ты управлялся с тем здоровяком, что открыл собрание, а заодно и с двумя его дружками, что вызвались его поддержать. Работа была что надо. Остальная толпа сбилась в одном конце зала, и когда ты начал держать речь перед этим собранием, так сказать, о нравах, характере, обычаях и воспитании матросов вообще и присутствующей компании в частности, я сразу смекнул, что ты откусил больше, чем сможешь прожевать. Никак не годилось, чтобы один человек управился с целой этой оравой голыми руками, так что я подобрался поближе, изрядно наслаждаясь твоими речами, а когда началась давка к скамье кающихся, я развернулся во всю ширь и взял на себя команду над всей этой сумятицей мигом. Тут я и сделал своё маленькое предложение. Я сказал им, что, будучи единственным на всех этих подмостках, кто не матрос и не ирландец, я почитаю своим долгом судить эту тризну, так сказать, и что ставки двадцать к одному, не считая ножей, идут решительно вразрез с моими убеждениями. К тому же, будучи единственным незаинтересованным зрителем, я имею свои права. Тогда я предложил поставить всё, что у меня было, деньга в деньгу, что ты справишься со всей оравой, беря их по двое зараз. Знал я, что ставки немалые, но заметил я, что те трое, что открыли собрание, всё ещё пребывали под влиянием. Больше того, я взял на себя присмотреть, чтоб условия соблюдались добросовестно».

«Матерь Божья, вот так гулянка!» — вклинился ирландец. — «А я-то, пьяный, ничегошеньки толком не помню! Ставку-то они приняли? Ах ты, обожжённый солнцем чёртов сын — приняли, а?»

«Ещё как приняли», — протянул возница. — «Я держал их всё время под прицелом».

«Ура! И справился я? Скажи скорей — справился я? Само собой, справился бы, кабы ничего не стряслось».

«Ты уложил первую пару прямо на трёх, а тут подросла полиция и остановила игру, и ставки отменились».

«Прикрыли заведение?»

«Забрали тебя да меня».

«Само собой, забрали бы нас двоих. Уж эта полиция Сан-Фелипе знает своё дело. Но как же они это провернули?»

«Тут я подробностей не упомяну, потому как временно вышел из строя, когда меня кто-то огрел сзади дубинкой. Очнулся уже в камере с тобой».

Ирландец потёр затылок. «И то верно, у меня самого шишка на макушке имеется, что как раз это дело и объясняет. Но каким же чёртом занесло нас сюда, в это богом забытое ничейное место? Дай мне ещё табачку да расскажи, коли можешь».

Возница передал кисет и, снова остановив упряжку на отдых, скрутил самокрутку для себя. «Дело простое, — сказал он. — Это вот упряжка Джефферсона Уорта. Он хотел, чтоб я нынче утром отправился домой, вот и вызволил меня. Не знаю уж, как он это устроил; мало кто вообще знает, как Джефферсон Уорт всё устраивает. Был с ним один человек, что тебя знал, а поскольку мне не шибко хотелось бросать тебя при таких обстоятельствах, мистер Уорт всё уладил и для тебя тоже, а после мы просто взяли да и закинули тебя в фургон и повезли с собой. Мистер Уорт с тем человеком да его пареньком едут следом на двуколке. Нагонят нас там, где встанем лагерем на ночь. Скажу прямо, изрядно я подивился твоему духу да удали — и, приглядевшись к той компании полицейских, сразу смекнул, что твои таланты в этих краях Сан-Фелипе ещё долго будут пропадать зря. В Рубио-Сити тебе места найдётся вдоволь, покуда снова не получишь расчёт. А коли не по нраву тебе такое устройство, придётся тебе, видно, подкрепить давешние слова делом, и посмотрим, отвезёшь ли ты этот караван обратно в Сан-Фелипе, или я довезу его до Рубио-Сити».

Ирландец смачно сплюнул через колесо. «Ну, ты джентльмен с должными понятиями, хоть я, как правило, и держусь того, что невежливо носить пистолет. Но, в конце концов, дело вкуса, и я готов признать, что бывают случаи. Как бы то ни было, обращаешься ты с ним изящно да с умом. А кулаками, палками, ножами ли, ружьями — вот что отличает мужчину от прочих. Не Патрику Муну винить джентльмена за манеры, в коих он не виновен из-за скверного воспитания. Коли не возражаешь, скажи, как тебя кличут? Не настолько я нескромен, чтоб выпрашивать твоё имя. Довольно будет и того, как тебя кличут».

Тот рассмеялся. «Зовут меня Джо Бреннин. Кличут Техасским Джо — Тексом, для краткости».

«Молодчина, Текс! Похож ты, дьявол меня подери, на вяленую селёдку, да только рыба эта неплохая, и в тебе тот самый дух имеется. Как тут не быть похожим — Бреннин да Техас, это ж имена, что мужика через саму преисподнюю протащат. Но скажи мне вот что — кто ж это такой, что меня знает?»

Техасский Джо покачал головой и, разобрав вожжи, окликнул упряжку. Когда они снова тронулись в путь, он сказал: «Имени его я не расслышал, но по разговору сужу, что он из тех инженеров-путейцев, что едет в Рубио-Сити строить железную дорогу до побережья. Мистер Уорт сказал мне, что с нами поедут назад ещё один человек да мальчонка, но сам мистер Уорт их прежде отродясь не видывал».

Пэт повернул свою тяжёлую тушу к вознице и, вынув трубку изо рта, спросил неспешно: «А ты хочешь сказать мне, что то место, куда мы едем, лежит на новой линии Юго-Западной и Континентальной?»

«А то как же. Строят её сейчас в Рубио-Сити с востока».

Ирландец разволновался. «А этот человек, что меня знает, — этот инженер — не рослый ли он, статный мужчина с карими глазами и взглядом что у короля?»

«Королей-то я не видывал вовсе, — протянул Текс, — но остальное точно подходит».

«Ну, что ты на это скажешь? Да это ж сам Провидец, чтоб мне не быть сыном родной матери. Слышал я во Фриско, в последний раз как получал расчёт, что должен он быть на строительстве ветки Ю. и К. За тем-то я и подался в Сан-Фелипе, желаячи снова наняться к нему на службу. Ну и ну, а подумать только — сам Провидец!»

«Это как это ты его кличешь?»

«Провидец. Не упомяну я его другого имени, а оно у него, само собой, есть, все чин по чину. Он из этаких. Провидцем его кличут за то, что он всё толкует о великих делах, что будут твориться в этом краю без единого дождя, коли невежественные дикари вроде тебя научатся использовать воду из рек для орошения. Слышал я от него самого, что сотни тысяч акров этих больших пустынь превратятся в фермы, и всё это он называет 'Освоением земель'. За то ему какой-то чёртов желторотый землемер и прозвище дал, вот оно и прилипло. Но большинство инженеров — настоящих инженеров, слышь-ка, — с ним заодно, хоть и подшучивают над ним изрядно насчёт того, что они кличут его видениями».

«Не похож он был на помешанного», — задумчиво заметил Техасский Джо, — «да только помешан он изрядно на этом самом пустынном деле, сам увидишь, прежде чем доберёмся до Рубио».

«Не знаю уж — видал я на своём веку чудные дела, за которые никто и не думал, что их можно свершить. Да ладно уж. Не нам с тобой судить о таких гениях, как Провидец, у которого, слышал я, прав повешать за своим именем больше учёных букв, чем у тебя во рту зубов».

«Оно всё одно, не тавро на коне заставляет его бежать. Мужiku потребно кой-что посерьёзней букв за именем, коли он супротив пустыни идёт».

«Ну, оставим уж это. Погоди, куда узнаешь его. Но что это ты мне толкуешь про мальчонку? У Провидца ж и семьи-то нет никакой, окромя самого себя да его дела».

Техас усмехнулся. «Может, и нет, приятель; да только собрал он себе часть семьи в эту поездку».

«Девчонка это, или парнишка?»

«Парень — годков десяти, я так скажу».

Ирландец с сомнением покачал головой. «Не знаю уж. Чудное это дело для Провидца. Кабы это был я, али ты — куда ни шло, а Провидец! Чертовски странно! Но скажи мне, что за человек этот твой хозяин? Изрядную же силу иметь надобно, чтоб этак вот вызволять нас из рук полиции Сан-Фелипе».

Техасский Джо медлил с ответом так долго, что Пэт с беспокойством поглядывал на него раз-другой. Наконец возница протянул: «Тут ты прав; у Джефферсона Уорта и вправду сила немалая».

Пэт хмыкнул. «А чем он занимается-то?»

«Занимается?» Текс развернул упряжку вокруг отрога горы, там, где тропа идёт вдоль каньона к его вершине. Далеко внизу они услышали грохочущий рёв потока в его каменистом русле.

«Должен же человек чем-то заниматься?»

«Насколько я разумею, Джефферсон Уорт занимается всеми».

«Ого! Вот оно как? Сам я до карт не охотник, да коли человек этим промышляет и...»

«Не туда метишь, приятель. Джефферсон Уорт не из таких. Он из этих финансовых дельцов, и, сколько я видал, дело у него верное».

«Хочешь сказать, он банкир?»

«А то как же. 'Пионер' в Рубио-Сити. Начал он это дело в давние времена да с тех пор всё разрастает его. Занятное это дело, финансы эти самые, — продолжал Текс на свой неспеш-

ный, задумчивый лад. — По мне так похоже на обычный, простой грабёж с большой дороги, только орудуют они деньгами вместо ружья. В старые-то времена, бывало, возьмёшь человека на прицел из своего шестизарядного, всё как положено, да и заберёшь, что у него в карманах случится. А после отряд за тобой погонится, да, может, и вздёрнет — так тому и быть, часть игры это. А нынче эти вот молодцы, вроде Джефферсона Уорта, добудут твоё имя на какой-нибудь бумаге, а после, покуда ты немотришь, подкрадутся да и заберут всё твоё мирское достояние, а шериф только смеётся да толкует, что дело это хорошее. Этот вот Уорт — самый что ни на есть хладнокровный, гладкий, крепкий орешек во всей этой игре. Аж мороз по коже от него. У простого люда против Джефферсона Уорта столько же шансов, сколько у осколка льда в аду. По моему разумению, вот это самое финансовое дело и губит Запад. Скотоводческие уголья уж почти все сгинули. Коли так дальше пойдёт, не лучше нам тут станет, чем в тех местах на Востоке, о коих я наслышан».

«Чертовски невежественный ты дикарь, вроде всего твоего племени, с такими разговорами про то, что Запад гибнет. Что бы стало с этой страной без денег? Это ж те самые воротилы принесли тебе железные дороги, да города, да школы, да церкви, да все прочие блага и радости цивилизации, хочешь ты того или нет. Взгляни-ка на Провидца. Что бы мог такой человек, как он, — инженер, заметь, — что бы мог Провидец без людей с деньгами за спиной?»

На слова ирландца ответом стал весёлый окрик «Тпру!» да грохот тормозов — Техаский Джо остановил упряжку у родника в вершине каньона. «Здесь становимся лагерем», — объявил он. — «Это последняя вода, что нам встретится, покуда не перевалим через перевал к Горным Родникам на стороне пустыни. Джефферсон Уорт с Провидцем да его пареньком вот-вот подоспеют».

Незадолго до сумерек банкир со своими двумя спутниками прибыл на место.

«Здорово, Пэт!» Человек, что спрыгнул с двуколки и зашагал к поджидавшему ирландцу, был высок и широк в плечах, с головой и подбородком солдата и карими глазами мечтателя. Одет он был в грубый вельвет, синюю фланелевую рубаху, шнурованные сапоги и стетсон, и приветствовал дюжего ирландца как товарища по работе.

Радостная улыбка расплылась на побитых чертах гладиатора, когда он стиснул протянутую руку Провидца. «Ну, чтоб мне пусто было, до чего ж я рад видеть вас, сэр, в этом чёртовом краю. Были у меня, само собой, сомнения, когда очнулся я в фургоне, да только всё в порядке. Горжусь я, что вы меня похитили, сэр».

«Похитили!» Смех инженера пробудил эхо в каньоне. «Это было спасение, приятель!»

«Ну что ж, пускай будет так! Но скажите мне, сэр, — он понизил голос до доверительного рокота, — что это я слышу, будто вы с мальчонкой своим? Вот уж не знал я, что вы человек семейный». Он взглянул в сторону худощавого паренька, что с готовностью взрослого мужчины помогал вознице двуколки распрягать четвёрку мустангов. «Хороший он парнишка, или я голландец».

«Ты прав, Пэт, Эйб хороший мальчик», — серьёзно ответил Провидец. — «Я подобрал его в горняцком лагере на краю пустыни Мохаве, когда в прошлом году вёл предварительные изыскания по той местности для Ю. и К. Родился он в этом лагере, а мать его умерла, когда он был совсем малышом. Бог знает, как он выжил! Ты ведь знаешь, что за места эти горняцкие. Отца его, Фрэнка Ли, убили в пьяной драке, покуда я там был, а Эйб проявил столько хладнокровия и настоящей мужественности, что я взял его к себе в отряд. С тех пор он со мной».

Голос Пэта охрип, когда он сказал: «Прошу прощения, сэр, за мою неуклюжую наглость насчёт того, будто вы человек семейный. Я чёртов старый мужлан, без всякого образования, окромя своих двух кулаков, и манер никаких».

Ответ инженера был прерван приближением Джефферсона Уорта, что беседовал с Техаским Джо. Голова банкира едва доходила Провидцу до плеча, а рядом с могучей тушей ирландца казался он почти незначительным, тогда как его простой серый деловой костюм смот-

релся совсем неуместно среди дикого окружения. Гладко выбритое лицо его было бесстрастной серой маской, а глубоко посаженные серые глаза переходили с ирландца на инженера без единого проблеска чувства. Оба почувствовали, что где-то за этой серой маской их тщательно оценивают — измеряют — взвешивают — как возможные слагаемые какого-то далеко идущего плана. Он обратился к Провидцу, и в голосе его не было ни намёка на краску: «Вижу, ваш друг оправился». Точно он лишь констатировал факт, только что им проверенный.

Посмеиваясь над воспоминанием о походе ирландца в Сан-Фелипе, инженер сказал: «Мистер Уорт, позвольте представить вам мистера Патрика Муни, коего я знаю уже много лет как лучшего десятника землеройной артели на всём Западе. Пэт, это мистер Джефферсон Уорт, президент банка 'Пионер' в Рубио-Сити».

Ирландец схватился за поля своей потрёпанной шляпы в смущённом признании такой церемонности Провидца. Джефферсон Уорт из-под своей серой маски произнёс своим точным, бесцветным голосом: «Похоже, он умеет управляться с людьми».

Когда банкир прошёл дальше, к большому фургону, ирландец придвинулся ближе к Провидцу и хрипло прошептал: «Ну и что ж это за человек такой, чёрт его дерит? Истинная правда, сэр, что, глянувши на меня из-под этой могильной маски, я едва удержался, чтоб не перекреститься!»

ГЛАВА II

ДАР ДЖЕФФЕРСОНА УОРТА

Когда день занялся над самыми высокими хребтами Ничьих гор, упряжка Джефферсона Уорта была уже готова тронуться в путь. Возница лёгкой повозки с четвёркой мустангов направился в Сан-Фелипе. На переднем сиденье большого фургона Техасский Джо подобрал вожжи, тщательно их разобрал и оглянулся через плечо на своего хозяина. «Все готовы?»

«Трогай».

«Эй, Бак! Молли!» Передние мулы натянули постромки. «Джек! Пит!» Тормоз с лязгом и дребезгом железных штанг отпустили, коренники налегли в хомуты, и фургон тронулся вперёд.

Суровые, неутомимые, древние, как мир, стражи, Ничьи горы стояли на страже между плодородной землёй со стороны моря и заброшенной, забытой пустошью Востока. Стране зелёной жизни, прогресса, роста и цивилизации, что подступала к их черте с запада, они говорили: «Стой!» — и та останавливалась. Земле худой нужды, серой смерти, изможденного голода и мучительной жажды, что подползала к их подножию с другой стороны, — «Не ходи дальше!» — и та не шла дальше. Не имея ни земли для пахоты, ни руды для добычи, сама их скудость служила им защитой. С видом мрачной непреложности они словно заявляли во весь голос, что какими были всегда, такими и останутся; и в начале моего рассказа, если не считать той единственной тонкой рукотворной тропы, их вековая похвальба оставалась неоспоримой.

Упорно, но с частыми передышками на подъёмах, упряжка Джефферсона Уорта карабкалась к вершине и незадолго до полудня достигла перевала. Громкий, дребезжащий грохот фургона, чьи ободья бились и скрежетали по каменистой, устланной валунами дороге, вместе с резким звоном и стуком подкованных копыт упряжки, отдавался эхом, эхом, и снова эхом. Громко, дико грубые звуки обрушивались на тишину, покуда безмолвие не казалось безнадёжно расколотым этим гулом. Мягко, покорно звуки уплывали прочь в прозрачной дали — сквозь рощи вечнозелёного дуба, заросли креозотового куста, можжевельника, манзаниты и полыни; в каньоны и промоины; со скал и уступов; вдоль склонов, отрогов и плеч; через гребни, седловины и пики; слабея, замирая — бессильные звуки людского прохождения тонули в тишине и пропадали. Когда упряжка останавливалась на короткий отдых, в этот миг казалось, будто тишина никогда и не нарушалась. Суровые, грозные, холмы не давали ни единого знака людского присутствия, не замечали эту ползущую крупницу жизни.

У Горного Родника — одинокой маленькой лужицы на пустынной стороне огромной стены — они остановились пообедать. Когда с едой было покончено, Техасский Джо с помощью Пэта наполнял бочки для воды, а мальчик тем временем занимался флягой, покуда Провидец и Джефферсон Уорт наблюдали за ними.

«Сушь впереди, сдаётся мне», — заметил ирландец вопросительно, поднимая очередное каплющее ведро.

«Малость», — отозвался Текс. — «Есть три водопоя между тут и рекой, где вода водится порой. Хотя чаще выходит так, что как раз когда она всего нужнее, там пусто, и, по моему разумению, сухой водопой — самое что ни на есть удручающее дело на свете. В этот раз все они окажутся сухими. Не было ничего, кроме грязи, у Волчьих Колодцев, когда мы там проходили на прошлой неделе».

И снова голые скалы да суровые, неприступные холмы отзывались эхом на громкий стук колёс и копыт. Вниз по крутому склону горы, с визжащими, скрежещащими тормозами, они грохотали и дребезжали в узкий коридор Чёртова каньона, с его отвесными стенами и тенистым мраком. Крохотный ручеёк, что стекал вниз от маленького зелёного пятнышка у родника, храбро пытался следовать за ними, но вскоре, обессилев, впитывался в сухую пустошь. В лица

им дул прохладный ветер, точно сквозняк в туннеле. После примерно двух часов такого пути дорога расширилась, стены каньона понизились, то и дело появлялись просветы и разрывы. Затем стены сменились низкими округлыми холмами, среди которых петляла тропа — русло из песка и гравия, — а тут и там показывались заросли креозотового куста и кактусов нескольких видов.

Наконец они миновали последние из предгорий, и внезапно — точно поднялся могучий занавес — перед ними открылась пустыня. У их ног Меса лежала в белом сиянии солнца, а за краем плоскогорья и ниже его — огромный край Королевской Впадины.

На краю Месы Техас остановил упряжку, и маленький отряд глядел на эти жуткие просторы пустынного одиночества. Провидец и Пэт невольно вскрикнули. Джефферсон Уорт, Техас и Эйб молчали, но худое личико мальчика светилось жадным восторгом, а лицо возницы выдавало интерес к этой картине, который годы близкого знакомства не смогли до конца приглушить, — но серая маска банкира не выдавала ни малейшего чувства.

В этом виде, столь огромном, что мили теряли всякий смысл, не было ни следа человека, кроме одной тонкой нити дороги, что вскоре терялась в дали. От горизонта до горизонта, так далеко, что глаз болел, силясь это охватить, не было ни облачка, чтобы отбросить тень, и глубокое небо изливало неудержимый поток света на обширную бурую равнину с дикой яростью, точно желая обессилить любое живое существо, что окажется на её пути. И пустыня, принимая этот поток с широкого раскалённого неба, таинственно вплетала в него мягкие шарфы сиреневого, туманные покровы пурпурного и прозрачные завесы розового, жемчужного и золотого; странно творила из него широкие голубые озёра, окаймлённые призрачными холмами красного и фиолетового — непрестанно меняющиеся, перетекающие, картина за картиной, как сменяются и текут видения во сне.

Только странная, безмолвная жизнь, что за долгие годы пустыня научила терпеть свои тяготы, была здесь — ящерица, рогатая жаба, поджарый заяц, тощий койот и им подобные. Только жёсткая растительность, что вывели века, пятнала дно Впадины неподалёку — солянка да креозотовый куст, а кое-где заросли мескита.

И над всем этим — над странной суровой жизнью, причудливыми, непрестанно меняющимися видами, дивными, вечно текущими красками — царил властный, неотступный, непреодолимый дух этой земли; тяжкое, зловещее безмолвие; ожидание — ожидание — ожидание; мистический зов, что был разом и угрозой, и обещанием; неизменная черта, за которую ни один человек не мог перейти и остаться в живых, кроме тех избранных, кто заслужит на то право.

Спустя время инженер, указывая рукой, сказал: «Линия Юго-Западной и Континентальной должна пройти вдоль подножия тех холмов, вон там — верно, Техас?»

«Примерно так и есть», — ответил возница. — «Слышал я, вы пойдёте через перевал Сан-Антонио, а он вон там, к северу. Рубио-Сити лежит примерно вот тут», — он указал чуть южнее востока. — «Наша дорога проходит через те песчаные холмы, что видать, блестят золотом, вон там, вдали. Переправа Сухой Реки как раз за ними. Одинокую Гору можно видеть отсюда к югу. Жарко там будет, наверняка. Гляньте, как пляшут те песчаные вихри. А вон там, где видите жёлтую дымку вроде, — большая песчаная буря. Вряд ли она затянется надолго в это время года. Да только не угадаешь, что учинит эта старая пустыня; она уж больно переменчива. La Palma de la Mano de Dios, индейцы её так называют, и я всегда думал, что — если всё взвесить — имя это подходит на диво. Видите, она и впрямь просто огромная чаша».

«Ладонь Божьей Руки», — тихо повторил Провидец. Он приподнял шляпу невольным жестом благоговения.

Ирландец, когда инженер перевёл, перекрестился. «Матерь Божья, что за имя!»

Джефферсон Уорт заговорил. «Трогай, Техас».

И так, покуда жёлтые песчаные вихри плясали вдоль их пути, а вдали висело то жёлтое облако, они спускались по склону — вниз, в Королевскую Впадину, — в La Palma de la Mano de Dios, Ладонь Божьей Руки.

«Это правда, сэр?» — спросил Эйб у Провидца.

«Что правда, сынок?»

«То, что Техас сказал про океан».

«Да, это правда. Самая низкая точка этой Впадины лежит почти на триста футов ниже уровня моря. Железная дорога, которую мы будем строить, идёт как раз по краю котловины, вон там, с другой стороны. Этот склон, по которому мы сейчас спускаемся, — древний берег». Затем, покуда они продвигались всё дальше в безмолвие и зной этой жуткой земли, инженер рассказывал мальчику и его спутникам, как века трудились рекой и волной, солнцем и ветром, чтобы создать пустыню Королевской Впадины.

Волчьи Колодцы они застали сухими, как и предвидел Техас. Призрачное Озеро тоже пересохло. Время от времени они пересекали сухие древние русла, проложенные рекой в те годы, когда формировалась эта земля; порой попадались стекловидные, твёрдые, голые солончаковые пятна; а порой тропа вела сквозь чащу пустынной растительности, вьющуюся и петляющую меж высоких бугров. Неизменно над головой было широкое раскалённое небо, слепящий поток света, не смягчаемый тенями облаков, что дали бы отдых глазу, и жарко отражаемый песчаным дном древнего морского ложа.

Тем вечером, когда они разбили лагерь, тяжёлая гряда облаков нависла над вершинами Ничьих гор и длинной цепью Береговых хребтов, окаймляющих Впадину. Техасский Джо, поглядывая на эти облака, ничего не говорил; но когда Пэт выплеснул на землю оставшуюся в его кружке воду после того, как напился, степняк обрушился на него словами, что поразили всех.

На следующий день полдень застал их среди первых из песчаных холмов. Здесь не было и признака растительности, ибо огромные курганы и гряды белого песка, наваленные, точно сугробы, никогда не бывали вполне неподвижны. Они неизменно ползли на восток, гонимые преобладающими западными ветрами. Большую часть года они продвигаются очень медленно, но когда с гор налетают яростные шквалы, они катятся вперёд так стремительно, что любой предмет на их пути мигом погребается в их удушающей толще.

В середине дня Техас взобрался на вершину огромного сугроба, чтобы оглядеть местность. Остальные видели, как он стоял мгновение на фоне неба, вглядываясь на северо-запад, а затем повернулся и скатился по крутому склону холма к ожидающему фургону.

«Идёт!» — заметил он лаконично. — «И большая идёт. По мне так лучше проехать сколько сможем».

Через несколько минут они увидели, как небо позади них заволакивает точно золотистой дымкой. Воздух, сухой и жаркий, казалось, был напоён таинственной, грозной силой. Сами мулы тревожно вскидывали головы и рвались из построков, точно чувствуя, что их преследует нечто ужасное. Прямо и жёстко, с чудовищной скоростью, ветер спускался через горные перевалы и мёл через широкие мили пустыни, набирая в себя песок. Стремительно золотистая дымка растянулась над их головами, густым жёлтым туманом, сквозь который солнце светило тускло, странным, неестественным светом. Затем жалящий, слепящий, удушающий вихрь обрушился на них с безжалостной, дикой яростью. В единый миг все следы тропы были стёрты. Над высокими краями сугробов песок закручивался и струился, точно снег в метель. Вокруг упряжки он вился и кружился воронками, сёк лица людей и заставлял их, зажмурившись, хватать ртом воздух.

Мулы сами по себе остановились, и Техас крикнул мистеру Уорту: «Нет смысла пытаться идти дальше, сэр. Тропы теперь нет, мы только заблудимся».

Как можно дальше от подветренной стороны сугроба, все, под руководством пустынного человека, принялись натягивать брезент с наветренной стороны фургона. Затем, распрягнув мулов и надёжно привязав их к повозке, люди скорчились под своим грубым укрытием. Ирландец задыхался, кашлял, отплёвывался и ругался, инженер добродушно посмеивался над их бедственным положением, а Эйб Ли ухмылялся в сочувствии, покуда Техасский Джо принимал происходящее мрачно, с выдержкой долгого опыта. Но лицо Джефферсона Уорта оставалось той же бесстрастной серой маской. Он не выказал ни намёка на нетерпение от задержки; ни беспокойства о положении; ни досады от неудобства. Точно он всё это предвидел и заранее приготовился встретить. «Как думаешь, сколько это протянется, Текс?» — спросил он своим бесцветным голосом.

«Не больше трёх дней», — ответил возница. — «А может, кончится и через три часа».

Утром второго дня они выползли из-под своих одеял под фургоном и увидели чистое небо и воздух, свободный от пыли. С охотой они принялись собираться в путь. Возле их укрытия песок намело почти до верха колёс, а сам кузов фургона был больше чем наполовину засыпан. Волосы, брови, борода и одежда людей были густо покрыты порошкообразной пылью, а от следов тропы не осталось и следа, и колёса тяжело вязли в мягком песке.

Трижды Техас останавливал изнурённую упряжку и, взбираясь на вершину сугроба, определял направление по приметам, неведомым тем, кто ждал внизу. Снова они остановились, чтобы степняк осмотрелся, и на этот раз четверо в фургоне, наблюдая за фигурой возницы на фоне неба, увидели, как он резко обернулся и спустился к ним широкими стремительными шагами. Они инстинктивно поняли, что он увидел нечто необычное.

Провидец и Джефферсон Уорт заговорили разом. «Что там, Текс?»

«Отбившаяся лошадь, примерно в миле впереди».

Впервые Техасский Джо развернул длинный бич своего кнута, и его окрик «Эй, Бак! Молли!» сопровождался хлопками, похожими на выстрелы, что странно прозвучали в мертвенной тишине песчаной пустоши.

Когда они поравнялись со странной лошастью, бедное животное, шатаясь от усталости, побрело навстречу фургону — оборванный ремешок недоуздка болтался с его низко опущенной головы.

«Гляньте на бедную скотину», — сказал Пэт. — «Чуть не сдохла от жажды». Он спрыгнул на землю и направился к бочке с водой в задней части фургона.

«Постой, Пэт», — сказал бесцветный голос Джефферсона Уорта. И вслед за его словами прогремел выстрел из сорок пятого Техасского Джо.

Ирландец обернулся и увидел, что странная лошадь лежит мёртвой на песке. «Какого чёрта...» — гневно потребовал он, но Текс хладнокровно смотрел на него, и что-то удержало гнев ирландца.

«Не смекаешь ты, видать», — протянул человек пустыни, вставляя в револьвер новый патрон взамен пустой гильзы. — «У нас и так едва хватит воды, чтобы дотянуть, а нам, может статься, ещё придётся подобрать эту вторую упряжку».

Никто не проронил ни слова, покуда Пэт тяжело взбирался обратно на своё место.

На протяжении двух миль следы странной лошади были видны, а затем их занесло песком. «Стало быть, столько она прошла с тех пор, как утих ветер», — неспешно заметил Техас. — «А сколько ещё до того места, откуда она сбежала, — тут только гадать».

Продвигаясь дальше, все жадно всматривались в окрестности, и вскоре они нашли то место, что искали. Лёгкая рессорная повозка, с обрывком ремешка недоуздка, привязанным к одному из колёс, была больше чем наполовину засыпана песком в подветренной стороне высокого сугроба. Там был маленький бочонок для воды, пустой, чьи швы уже начинали расходиться от жгучего солнечного зноя, ящик с провизией, немного постельных принадлежностей и часть тюка сена — и больше ничего.

Джефферсон Уорт, Пэт и мальчик попытались раскопать крутой склон сугроба, что вышлся над наполовину погребённой повозкой, но при каждом их движении на них обрушивались тонны сухого песка. «Нет смысла, мистер Уорт», — сказал Техас, когда банкир выпрямился, отчаявшись в своих усилиях. — «Вам никогда не узнать, что там погребено, куда сам Всемогуший Господь этого не откроет».

Затем человек пустыни и равнин прочёл историю этой трагедии, точно был её очевидцем. «Ехали они налегке, рассчитывая на хороший ход. Должно быть, рассчитывали также найти воду в этой яме». Он пнул пустой бочонок. «Запас у них кончился, а тут их накрыла та песчаная буря, и лошади сорвались с привязи. Само собой, они пошли искать свою скотину, не смея остаться пешими да без воды, и шансы тысяча к одному, что они так и не вернулись к повозке. Мы и так рискуем немало, чтобы терять время, и, сдаётся мне, толку не будет, но, может статься, стоит поглядеть вокруг».

Он велел маленькому отряду рассредоточиться и держаться высоких мест, чтобы не терять друг друга из виду. До самого позднего вечера они обшаривали окрестности, но безрезультатно, куда палящее солнце, сухая жгучая пустошь и слепящие пески пустыни не предостерегли их, что каждый час промедления может стоить им самой жизни. Когда они наконец вернулись к фургону, вызванные Техасом, никто не проронил ни слова. Продолжая путь, каждый был поглощён своими мыслями о мрачном свидетельстве могущества пустыни.

Прошёл ещё час. Внезапно Техас остановил мулов и с восклицанием спрыгнул на землю. Остальные увидели, что он склонился над едва различимым следом на песке.

«Боже мой, ребята», — воскликнул он, — «это женщина».

Некоторое время он шёл по следам, затем побежал обратно к фургону, вскочил на своё место и, взмахнув длинным кнутом, погнал упряжку вперёд.

«Это женщина», — повторил он. — «Когда остальные ушли и не вернулись, она пошла вперёд, одна, прямо в бурю. Она добралась досюда, когда ветер стих, — вот и остались её следы. Мы можем ещё...» Он подстегнул мулов сильнее.

Отпечатки женской обуви теперь были ясно видны. «Гляньте!» — сказал Текс, указывая рукой. — «Она шатается — вот, остановилась! Тпру!» Всем весом навалившись на вожжи, он подался вперёд с сиденья. «Смотрите, ребята! Вон там!» — вскричал он, показывая. — «Она несёт малыша. Видите, вот тут она его опустила передохнуть». Всё было слишком ясно. Рядом со следами женщины отпечатались следы двух детских башмачков.

Провидец, глубоко вздохнув, провёл рукой по своему запорошенному песком лицу. «Быстрой, Текс. Ради бога, быстрее!»

Ирландец яростно бранился в бессильной ярости, сжимая и разжимая свои огромные волосатые кулаки. Мальчик съёжился на сиденье. Но на маскообразном лице Джефферсона Уорта не дрогнула ни одна черта. Лишь тонкие, острые пальцы его нервных рук то и дело гладили небритый подбородок, теребили одежду или впивались в край сиденья фургона, когда он подавался вперёд. Техас — мрачный, хладнокровный, настороженный, его худощавая фигура теперь вся была в действии, а тёмные глаза горели — размахивал длинным кнутом и правил вожжами с мастерством, требуя от своей упряжки всей до последней капли силы, куда читал те следы на песке, как читают печатную страницу.

Всё было написано там — та повесть материнской любви: где она шаталась от усталости; где вынуждена была отдыхать; где малыш прошёл немного сам; и раз-другой, где малютка спотыкался и падал, потому что песок был слишком тяжёл для маленьких ножек. И всё это время пустыня, тянущая мёртвым грузом за колёса, казалось, боролась против них. Точно эта жуткая земля знала, что нужно лишь время, чтобы довершить своё дело. Затем горячее солнце опустилось за пурпурную стену гор, и началось таинство долгих сумерек.

«Переправа Сухой Реки уже рядом», — сказал Текс, и вскоре упряжка нырнула вниз по крутому берегу глубокой промоины, что была проложена в какую-то забытую эпоху разливом

великой реки. Порой, после нечастых зимних дождей, здесь, под высоким берегом, неподалёку от тропы, можно было найти воду в яме.

С грохотом тормозов упряжка остановилась внизу. Люди, прыгнув с фургона и оставив тяжело дышащих, понурых мулов стоять на месте, принялись обшаривать промоину. Но через миг Техас вскрикнул, и остальные быстро подоспели к нему. Возле сухого водопоя лежало тело женщины. Рядом с ней — маленькая фляга.

Он поднял флягу и держал её горлышком вниз.

Инженер склонился, осматривая неподвижную фигуру в поисках хоть какого-то признака жизни.

«Нет толку, сэр», — сказал Техас. — «Она умерла». Он поднял флягу и держал её горлышком вниз. Пальцем коснулся горлышка сосуда и протянул руку. Палец был мокрым. «Видите ли, — сказал он, — когда её мужчины не вернулись, она пошла с малышом и с той водой, что у неё оставалась. Но сама она пить не стала ни капли, и тяжёлый путь в такую жару да по песку, с малышом на руках, да ещё когда водопой оказался сухим, — всё это оказалось ей не под силу. Кабы мы только знали да поехали прямо сюда, вместо того чтоб рыскать там, без толку, мы бы успели вовремя».

Покуда маленький отряд, лишившись дара речи от слов Техаса, стоял в сумерках, глядя вниз на безжизненную фигуру, хор диких, рычащих, лающих завываний с протяжным, пронзительным воем разнёсся в неподвижном воздухе. То был вечерний зов койотов. Молчаливым людям этот жуткий звук показался торжествующим криком самой Пустыни, и они содрогнулись от ужаса.

Затем из сумрачной тени высокого берега, дальше вверх по промоине, донёсся другой крик, что разрушил чары, охватившие их, и вырвал у них ответный возглас, покуда они бежали вперёд.

«Мама! Мама! Барба пить хочет. Пожалуйста, дай Барбе попить, мама. Барба боится!»

Джефферсон Уорт добрался до неё первым. У самого берега, куда она забрела после того, как «мама» легла спать, и, видимо, только что пробудившись от усталой дремы из-за воя койотов, сидела девочка не старше четырёх лет. Её каштановые волосы были все растрёпаны и взлохмачены, а большие карие глаза широко раскрылись в недоумённом страхе перед четырьмя незнакомыми мужчинами и мальчиком, что стояли над ней.

«Мама! Мама!» — захныкала она. — «Барба хочет маму».

Джефферсон Уорт опустился перед ней на колени, протягивая руки, и голос его, когда он заговорил с малышкой, заставил его спутников взглянуть на него с изумлением — столько в нём было нежности.

Девочка вопросительно устремила свои большие глаза на мужчину, что стоял перед ней на коленях. Остальные ждали, затаив дыхание. Затем внезапно, точно от чего-то, что она увидела в сером лице дельца, малышка отпрянула со страхом на детском личике и детским голоском вскричала: «Уйди! Уйди!» Затем снова: «Мама! Барба хочет маму». Джефферсон Уорт печально отвернулся, склонив голову, точно от разочарования или стыда.

Тогда остальные по очереди попытались завоевать её доверие. Степняка и ирландца она разглядывала серьёзно, как прежде смотрела на банкира, но без страха. Мальчик заслужил лёгкую улыбку, но она всё же держалась в стороне — колеблясь, не решаясь. Затем, с трогательным маленьким жестом доверия, она протянула руки к большому кареглазому инженеру. «Барба пить хочет», — сказала она, и Провидец взял её на руки.

У фургона именно Джефферсон Уорт протянул ей жестяную кружку с водой, но она снова отшатнулась от него, обвив руками шею Провидца. Инженер, приняв кружку из рук банкира, напоил её.

Покуда мистер Уорт и мальчик готовили наспех еду, Техас кормил свою упряжку, а ирландец, отойдя немного в сторону, выкопал ещё одну могилу рядом с дорогой, уже отмеченной столькими другими. Девочка — всё ещё на руках у инженера — ела с жадностью, а когда трапеза закончилась, он отнёс её в фургон, покуда остальные с фонарём вернулись к неподвижной фигуре у сухого водопоя. По предложению банкира тщательно обыскали одежду женщины в поисках какой-либо приметы, что помогла бы узнать, кто она, но никакой отметки не нашли. Бережными руками они благоговейно завернули тело в одеяло и уложили в его грубую песчаную постель.

Когда могилу засыпали и по возможности защитили, состоялся короткий совет. Мистер Уорт желал вернуться к наполовину погребённой повозке, чтобы предпринять новую попытку узнать, кем была жертва Пустыни, но Техас отказался. «Не то чтобы я не желал поступить по совести, — сказал он, — да только вы сами видали, как вёл себя этот песок. Что уж там, мистер Уорт, вы и за год не сдвинете тот сугроб, и сами это знаете. Я только что отдал мулам последнюю воду, что им достанется, и нам самим предстоит нелёгкое дело — добраться, как оно есть. Коли мы задержимся, чтоб вернуться туда, у нас и одного шанса из сотни не будет снова увидеть Рубио-Сити. Не дело — рисковать жизнью малышки, когда есть возможность её спасти, — только ради слабого шанса узнать, кто она».

Вернувшись к упряжке, они очень тихо — чтобы не разбудить спящего ребёнка — впрягли мулов в фургон и заняли свои места. Когда мулы тронулись, малышка беспокойно зашевелилась на руках Провидца и сонно пробормотала: «Мама». Но тихий, успокаивающий голос большого мужчины унял её, и она уснула.

Час за часом тянулась долгая ночь. Они оставили позади песчаные холмы за три мили до Сухой Реки, и теперь широкие, ровные просторы редко поросшей равнины, зловещие и призрачные под звёздами, казалось, тянулись во все стороны в бесконечное пространство. Невольно все члены маленького отряда, кроме Техасского Джо, напрягали взгляд, всматриваясь в пустую, безмолвную даль в поисках огней, и, вглядываясь, то и дело поворачивали головы, прислушиваясь к какому-нибудь звуку человеческой жизни. Но во всём этом необъятном просторе не было ни огонька, кроме света звёзд; во всей этой безмолвной пустоши не было ни звука, кроме случайного крика койота, жалобного, дрожащего клика земляных сов, приглушённого стука мулых копыт в мягкой земле да глухого перестука, скрипа и грохота фургона, звона постромочных цепей и скрипа натянутой упряжной кожи. И неизменно казалось, будто эта жуткая земля цепляется за них тяжёлыми руками, меряясь силой с теми, кто осмелился бросить вызов её безмолвной угрозе, стремясь удержать их так, как удержала уже столько других. Люди говорили редко, и то тихими голосами. Малышка на руках Провидца спала. Только Техас, да, быть может, его упряжка, знали, как они держались едва различимой тропы, что вела к жизни. Быть может, и сам Техас этого не знал.

На рассвете они остановились для короткого отдыха и завтрака. Девочка ела вместе со всеми, но по-прежнему цеплялась за инженера, и, хоть часто спрашивала про «маму», казалось, вполне доверяла своему большому защитнику. Из укрытия его рук она даже улыбалась стараниям Техаса, Пэта и мальчика развлечь её и отвлечь от её потери. От Джефферсона Уорта она всё ещё отшатывалась в страхе, и остальные дивились той боли, что читалась на этом сером лице всякий раз, когда все его попытки добиться улыбки или доброго взгляда от малышки неизменно отвергались.

Именно Техас, когда они остановились, вылил последнюю воду из бочки во флягу и тщательно отмерил каждому небольшую порцию. Теперь именно Техас давал команду снова трогаться в путь. И когда человек пустыни поместил флягу со скудным запасом воды в угол кузова фургона, под собственные ноги, остальные всё поняли и не сказали ни слова.

В полдень, когда каждому выдали его тщательно отмеренную порцию из фляги, Джефферсон Уорт, прежде чем его успели остановить, смочил свой платок своей долей воды и подал

его Провидцу, чтобы тот стёр пыль с разгорячённого личика девочки. Глаза большого инженера наполнились слезами, и Техас, с проклятием, что было скорее благоговейным, чем богохульным, налил ещё одну порцию и заставил банкира выпить.

Покуда долгие, жаркие, мучимые жаждой часы того дня медленно тянулись, лица людей становились измождёнными и осунувшимися. Два дня и две ночи в изнурительной буре, напряжение поисков среди песчаных холмов, потрясение от находки тела женщины и обнаружения ребёнка, за которым последовала долгая бессонная ночь, а теперь и тяжкие, жаркие, унылые часы борьбы с Пустыней, что, казалось, собрала против них всю свою грозную мощь, — всё это начинало сказываться. Техасский Джо, вынужденный неотрывно следить за своей упряжкой и закалённый годами опыта, меньше всех выказывал напряжение, тогда как Пэт, не приспособленный к такому испытанию затянувшимся загулом в Сан-Фелипе, несомненно, страдал сильнее всех.

После обеда ирландец сидел неподвижно на своём месте, понутив голову, и лишь изредка поднимал её, чтобы бросить свирепый, горячий взгляд на голый пейзаж, бормоча себе под нос глухим, ворчливым голосом. Позже он, казалось, впал в оцепенение и почти не сознавал присутствия своих спутников. Внезапно он встрепенулся и быстрым движением, наклонившись вперёд, достал флягу из-под сиденья возницы. В тот миг, когда он отвинчивал крышку, его остановил спокойный голос Техаса: «Положи на место».

«Иди к чёрту! Не вяленая я селёдка».

Крышка поддалась, но когда он поднял флягу и запрокинул лицо с раскрытыми пересохшими губами, он увидел прямо перед собой дуло большого сорок пятого, а за ним — твёрдый взгляд степняка. «Прости, приятель, но так нельзя».

На миг ирландец застыл, точно внезапно обратился в камень. Вода была совсем рядом с его губами, но над флягой на него смотрела верная смерть, ибо ошибиться в выражении лица того человека с оружием было невозможно. Обезумев от жажды, забыв обо всём, кроме воды, и совершенно потеряв рассудок от отчаяния, он прорычал: «Стреляй тогда, будь ты проклят, кровожадный дикарь!» — и снова принялся поднимать обёрнутый тканью сосуд.

В этот миг малышка, заметив флягу, позвала с заднего сиденья: «Барба пить хочет. Барба тоже пить хочет».

Точно Техас и вправду спустил курок, ирландец опустил руку. Медленно он оглядел лица своих спутников — на его собственном лице было ошеломлённое выражение, точно он пробуждался ото сна. Девочка, цепляясь одной рукой за Провидца, а другой указывая, повторила: «Барба пить хочет; пожалуйста, дай Барбе попить».

Выражение ужаса и стыда прошло по лицу ирландца, тело его затряслось, точно лист, а дрожащие руки едва могли удержать флягу. «Боже мой, ребята, — воскликнул он, — что ж это я творил?» Затем он внезапно набросился на Текса: «Да что ж ты не стреляешь, проклятье тебе? Такая скотина, как я, ни на что не годится, только гнить в этой богом проклятой земле!»

Яростный гнев этого человека на самого себя был жалок. Техас опустил револьвер в кобуру и отвернулся. Джефферсон Уорт протянул кружку. «Дай малышке немного воды, Пэт», — сказал он своим холодным, точным тоном.

Дрожащими руками ирландец налил немного в кружку и, снова завинтив крышку фляги, вернул её на место. Затем со стоном он уронил лицо в свои большие волосатые ладони.

Незадолго до захода солнца они взобрались по древней береговой линии на край Впадины и на Месу на востоке. Остановившись здесь для короткого отдыха и ужина, они оглянулись назад, на низкую, широкую землю, через которую прошли. Вдоль всего западного неба и далеко к югу горы, точно стена, вздымали свои пурпурные вершины над бурой равниной — кажущийся непреодолимым барьер, замыкающий в себе землю смерти; отгораживающий жизнь, что подступала к их подножию с другой стороны. К северу холмы, окаймляющие Впадину, ловили косые лучи заходящего солнца и светились розовым, алым и лососёвым, с глубо-

кими пурпурными тенями там, где открывались каньоны, — и всё это вздымалось из наплывов серебристого света. К северо-западу два далёких, сверкающих, заснеженных пика Береговых хребтов отмечали перевал Сан-Антонио. К западу Одинокая Гора темнела синевой на фоне пурпура дальних холмов. Внизу, в пустынной впадине, среди вечно меняющихся масс красок плыли и переплетались мерцающие призрачные озёра, тусклые сумрачные пятна зелёного и бурого, длинные полосы, штрихи и нити пыли, сиявшие точно золото.

Техасский Джо, разлив каждому его порцию воды, осторожно потряс флягой, и медленная улыбка расплылась по его почерневшему от солнца лицу. «Что осталось, принадлежит малышке», — сказал он. — «Но мы дотянем. Как раз впритык, да дотянем».

Ирландец поднял свою кружку в сторону Пустыни, произнося торжественно: «За тебя, будь ты проклята! Ты нас ещё не заполучила. Чтоб тебе гореть, да пузыриться, да печься, да жариться, покуда твоё чёртово сердце не иссохнет и не развеется пылью».

Затем он принялся забавлять девочку ласковой шутливой болтовнёй и чудными выходками, покуда она не расхохоталась и не позволила ему подхватить её большими волосатыми ручищами и подкинуть высоко в воздух. Техас и Эйб, присоединившись к веселью, делили с Пэтом благосклонность маленькой леди, покуда Провидец смотрел на них с улыбкой. Но когда приблизился Джефферсон Уорт с подношением из красивых камешков и ракушек, что он собрал на древнем берегу, она бросилась в объятия инженера. Всё ещё уговаривая её, банкир протягивал свой дар. Остальные молчали, наблюдая. Наконец, робко, девочка протянула свои маленькие ручки и приняла подарок, тут же отпрянув со своими сокровищами обратно под защиту рук большого мужчины.

Как раз вскоре после полудня следующего дня люди на фургонном дворе на окраине Рубио-Сити подняли глаза и увидели приближающуюся упряжку Джефферсона Уорта. Покрытая пылью, почти изнурённая упряжка, шатаясь, вошла в ворота. На козлах сидела измождённая, перепачканная фигура, держащая вожжи правой рукой; а на коленях, поддерживаемая свободной рукой, крепко спала маленькая девочка. Затем, когда один из мулов повалился на землю, люди бросились навстречу бегом.

Техас тупо смотрел на них с мгновение. Затем, выронив вожжи, его пересохшие, потрескавшиеся губы раздвинулись в подобии улыбки, и он сказал сиплым, срывающимся шёпотом: «Мы дотянули, ребята: как раз дотянули. Кто-нибудь, возьмите малышку».

Готовые руки приняли у него его ношу, и он тяжело сполз на землю, стоя пошатываясь и держась за колесо для опоры.

Один из мужчин резко спросил: «А где мистер Уорт, Текс? Что ты сделал с Джефферсоном Уортом, и что это у тебя за малышка?»

Техасский Джо пристально смотрел на спрашивающего, точно собирая всю силу воли, чтобы подумать. «Здорово, Джек! Да чтоб мне провалиться, если знаю — он был со мной ещё недавно».

Инженер, банкир, ирландец и мальчик лежали без чувств на дне фургона.

ГЛАВА III

МИСС БАРБАРА УОРТ

Миссис Уорт, сидя на широкой веранде своего дома после одинокого ужина, то и дело отрывала взгляд от работы на коленях, чтобы посмотреть вдоль улицы. Быть может, для жены банкира и было в диковинку штопать носки мужа; быть может, банкиры вообще не привыкли ходить в штопанных носках. Но самой миссис Уорт её занятие вовсе не казалось странным.

Ватага покрытых пылью ковбоев, что съехались в город на вечерние гулянья, протрусила мимо с громким хохотом и мягким позвякиванием шпор да уздечных цепочек. «Вон дом Джефферсона Уорта», — сказал один. «Как думаешь, загонит он в свой корраль все деньги, что есть на белом свете?»

Время от времени неторопливо проезжал экипаж, полный зажиточных горожан, выехавших на вечернюю прогулку. Люди в экипажах всегда кивали миссис Уорт, и она отвечала им чинным маленьким поклоном. Но никто не останавливался поболтать или предложить ей сесть рядом. И в этом тоже не было ничего странного для женщины на крыльце большого пустого дома. Порой люди в экипажах, развлекая гостей у них друзей, указывали на дом Джефферсона Уорта, с надлежащими пояснениями, — так же, как обращали внимание и на банк «Пионер», банк Джефферсона Уорта.

Когда спустились сумерки и разглядеть работу стало невозможно, миссис Уорт отложила своё шитьё и сидела со сложенными руками, повернув лицо к улице. В доме свет ещё не зажигали — в том не было нужды, да и сидеть в темноте ей нравилось больше.

Служанка-индианка неслышно подошла к двери. «Сеньоре что-нибудь угодно?»

«Нет, спасибо, Инес; садись, посиди со мной».

Бесшумно женщина опустилась на верхнюю ступеньку.

«Жарко сегодня было, Инес».

«Си, сеньора».

«Уже почти три недели, как мистер Уорт уехал с Техасским Джо в Сан-Фелипе, Инес».

«Си, сеньора».

«Ты знаешь, далеко ли через пустыню до Сан-Фелипе?»

«Си. Я думаю, три-четыре дня, может, пять, сеньора».

«Будет очень жарко».

«Си, сеньора. В том годе мужик моей сестры — Хосе — тоже поехал в Сан-Фелипе. Мало воды было. Он не вернулся».

«Да, я помню. Как это твои люди называют пустыню Королевской Впадины? Ладонь Божьей Руки, верно?»

«Си, сеньора. La Palma de la Mano de Dios».

«Хоть бы они уже приехали».

«Он скоро приедет, я так думаю. Может, он не выехал, когда думал выехать. Может, какое дело — как это у вас называется — «бизнес» — не пускало его выехать», — успокаивающе сказала индианка.

«Но мистер Уорт рассчитывал вернуться два дня назад, а он ведь всегда точен, ты же знаешь, Инес».

«Си, сеньора. Но, может, в этот раз по-другому».

«Хоть бы уже... Гляди, Инес, гляди! Кто-то остановился!»

Экипаж сворачивал к дому.

«Это сеньор Уорт», — сказала индианка.

«С ним кто-то есть, Инес. У них ребёнок».

Когда Джефферсон Уорт и Провидец поднимались по дорожке — инженер нёс на руках маленькую девочку, — миссис Уорт неуверенно поднялась на ноги. «Беги, скорей, Инес — скорей! Огня!»

В ту ночь, когда Провидцу, устроенному со всеми возможными удобствами, отвели покой на отдых, а малышка — вымытая и накормленная — крепко спала в детской кроватке, которую Инес принесла из неиспользуемой комнаты в большом доме банкира и поставила прямо в спальне миссис Уорт, Джефферсон Уорт с женой тихонько подкрались к постельке девочки. Молча они смотрели на детскую фигурку под белоснежным покрывалом, на круглое личико со спутанными каштановыми волосами на подушке.

Миссис Уорт стиснула руки в жадной надежде и прошептала: «Ах, Джефф, можно нам её оставить? Можно?»

Джефферсон Уорт ответил своим обычным осторожным манером: «Ты искала метки на её одежде?»

«Не было ничего — ни единой буковки. И всё, что она может сказать о своём имени, — это «Барба». Уверена, она хочет сказать «Барбара»». Ответив, миссис Уорт с тревогой всмотрелась в лицо мужа. Затем воскликнула: «Ах, ты ведь хочешь её оставить; хочешь!» — и добавила с тоской: «Конечно, нам следует попытаться разыскать её родню, но неужто ты считаешь совсем уж дурным, Джефф, желать — желать, чтобы у нас это никогда не вышло? Мне сдаётся, будто её послали занять место нашей родной девочки. Она нам так нужна, Джефф. Мне она так нужна — а тебе... тебе она понадобится, когда...» Был один день впереди, о котором банкир с женой никогда не заговаривали. С тех пор как их единственное дитя родилось и умерло, миссис Уорт была безнадежной калекой.

Прошло несколько недель, и все усилия разыскать родню маленькой Барбары оказались тщетны. Расспросы в Рубио-Сити и Сан-Фелипе, объявления в газетах на побережье — ничего не дали. В те дни край этот был краем чужаков, где люди приезжали и уезжали почти без следа и быстро терялись в вечно беспокойном потоке. Не было ничего удивительного в том, что никто не мог опознать упряжку, о которой можно было рассказать лишь то, что там были женщина, ребёнок да одна гнедая лошадь. Много было упряжек, где ехали женщина с ребёнком, и много таких, где среди двух, четырёх, шести или более голов скотины была одна гнедая.

Тем временем маленькая Барбара в своём новом доме постепенно отдалялась от всего, что было до её долгой поездки в большом фургоне с мужчинами. Она уже начинала поговаривать о «другой маме и папе». Миссис Уорт заняла место той, другой женщины в детском сердечке — так же, как малышка Барбара заполнила опустевшее материнское сердце самой женщины.

К мистеру Уорту, хоть она больше и не сжималась от страха, девочка сохраняла настороженное, вопрошающее отношение. С Техасом, Пэтом или мальчиком Эйбом, что часто навещались все вместе её проводить, она смеялась и болтала, как добрый маленький товарищ по играм. Но когда приезжал Провидец — а он делал это всякий раз, когда позволяли его дела и его присутствие в городе, — она летела к нему с жадной любовью, забиралась к нему на колени или устраивалась под его рукой с полным доверием и пониманием.

Общественный интерес в Рубио-Сити, поначалу живой, быстро угас. У Рубио-Сити в те дни строительства железной дороги было слишком много любопытного, чтобы держаться на чём-то одном подолгу. И всё же, поскольку дело касалось Джефферсона Уорта, город никак не мог совсем оставить эту тему в покое. Так вышло, что однажды вечером в салуне «Голд-Бар», куда Пэт, приехавший в город на тихий вечер со своей путевой артели на новой дороге, и Техасский Джо, только что вернувшийся из очередной поездки через пустыню, зашли пропустить стаканчик по-приятельски в тихом уголке.

«Есть чего новенького из того Сан-Фелипе, чего я не знаю?» — таков был естественный вопрос Пэта. — «Всё так тихо в этом чёртовом городишке, что нутро моё уж совсем скукожилось».

Техас усмехнулся своим неторопливым манером. «Скоро опять день расчёта подойдёт».

«Ага, а уж ты тут как тут будешь отирайся вокруг да мешать мне как следует насладиться благами цивилизации своими байками про золото, что найдётся в тех горах, где, кроме тебя, никто и не знает, где они. Дурак я, что слушаю твои шальные бредни».

«Ты только не горячись малость подольше, партнёр», — успокаивающе отозвался тот. — «У нас уже почти хватает на снаряжение старателя. Как чуток лучше устроимся, снимемся с этой грешной земли соблазна, а как вернёмся, — он глубоко вздохнул, — сделаем всё как надо».

Пэт с грохотом опустил стакан. «Сделаем», — сказал он. — «Обязательно сделаем. И в Сан-Фелипе мы пойдём. Скажи-ка, не видал ли ты там кого, кто справлялся бы о моём здоровье в этот последний твой заезд?»

«Я держался подальше от заведения Морехода Майка, не желая лишать тебя доли в потехе. Но встретил здоровенного полицейского, что сказал: 'Передай тому рыжему ирландскому бродяге, что для его здоровья будет лучше держаться подальше от Сан-Фелипе'».

«Он так сказал, значит? Он тебе так и сказал? Экий болван! Уж он-то знает, что для него самого так будет лучше. А ты чего ему ответил?»

«Сказал, что ты решил осесть тут постоянно».

Пэт задохнулся. «Ты ему это сказал! Ты! Да ты чёртова вяленая на солнце селёдка, без всякого достойного духа. Какого чёрта тебе вздумалось этак марать мою репутацию, когда меж мной и им лежит две-три сотни миль пустыни? За глоток воды я бы к тебе своими двумя руками...»

Техасский Джо рассмеялся во весь голос. «Давай лучше ещё по стаканчику», — сказал он.

В тишине, наступившей, покада наполняли стаканы, оба приятеля уловили имя Джефферсона Уорта. В тот же миг их внимание привлёк хорошо одетый, франтоватый на вид незнакомец, что стоял у стойки и громко разговаривал с человеком, известным в Рубио-Сити как устроитель горнорудных затей сомнительной честности. Пэт с Техасом слушали с весёлым любопытством, покада те двое сообща честили Джефферсона Уорта, не жалея слов и подробностей.

«Валяйте, джентльмены!» — вставил бармен, возвращаясь на своё место от столика в углу. — «Мы тут все как один поддерживаем ваше мнение. Выпейте за счёт заведения». Он любезно подлил им ещё спиртного.

«Братец Уорт, видать, крепко в чести у этакой паствы», — протянул Техасский Джо своему товарищу.

«Тсс!» — прошептал Пэт. — «Про малышку выспрашивают». Праздный, забавляющийся интерес обоих приятелей вмиг обратился в напряжённое внимание.

«Уж чего они только не перепробовали, чтоб её родню сыскать, — говорил хозяин салуна, — да покамест без толку. Болтают, коли никто не объявится с правами на неё, Джефферсон Уорт удочерит малышку да вырастит как родную».

Это заявление о намерениях Джефферсона Уорта вызвало у незнакомца пространное суждение насчёт того, годится ли банкир вообще для того, чтобы растить дитя, и каковы её шансы на правильное воспитание и счастье в руках этого дельца. Поскольку его речи были горячо поддержаны устроителем и человеком в белом фартуке, оратор воодушевился и принялся укреплять свою позицию касательно будущего этой бедной, беззащитной сиротки, вольно разъясняя, в чём состоит долг Рубио-Сити в этом деле. Его прервало лёгкое прикосновение к плечу. Обернувшись так резко, что расплескал виски из стакана, он взглянул в худое

лицо Техасского Джо. За спиной степняка возвышалась грузная фигура ирландца, с довольным, предвкушающим выражением на его битой-перебитой физиономии. По залу пробежала внезапная сочувственная тишина. Все лица обратились к этой группе.

«Прошу прощения, незнакомец», — сказал Техас своим самым мягким тоном, — «да только тянет меня сказать своё слово на этом вот собрании».

Человек этот, пожалуй, ответил бы что-нибудь гневное и напыщенное, да предостерегающий взгляд устроителя и лёгкое покашливание бармена его удержали.

Текс продолжил. «Что у вас есть право на своё мнение насчёт характера мистера Джефферсона Уорта — этого я не отрицаю, и в Рубио-Сити немало найдётся тех, кто с вами согласится. Может, у вас и есть причины чувствовать себя обиженным. Я в этом их деловом деле не больно-то смыслю. Может, вы передёрнули колоду, а он вас на этом поймал. Вы уж больно на то смахиваете, потому как я приметил: не тот игрок, что играет честно или проигрывает по-честному, визжит громче всех, когда карта против него ложится. Но когда вы касаетесь означенного Джефферсона Уорта да будущего этой малютки, да вольно этак толкуете про долг Рубио-Сити на этот счёт, — тут уж вы, почитай, забрались на мою землю. Мы с этим вот джентльменом, — он повёл рукой в сторону Пэта с нарочитой торжественностью, к великой потехе публики, — мы с этим вот джентльменом доводимся той малышке родными дядьями, и любой пучеглазый, лопухий, сальнопалый помесь койота с зайцем, что выскочит из глубин цивилизации, чтоб оттяпать нашу заявку, намекая, будто мы не годимся присмотреть за правильным воспитаньем упомянутой малютки, да что братец Уорт ей не подходящий папаша, — тому лучше приходиться заряженным, потому как беда будет ходить за ним по пятам, покуда он не образумится либо не ляжет в землю понадежнее».

В многозначительной паузе, что за этим последовала, никто не шелохнулся. Техас стоял непринуждённо, глядя прямо в глаза незнакомцу. Пэт метал по залу свирепые, настороженные взгляды, от лица к лицу.

«Уповаю, вы уразумели силу моих слов», — заключил Техас со значением.

Незнакомец беспокойно шевельнулся и торопливо огляделся в поисках сочувствия или подмоги. Все лица были непроницаемы. Техас ждал.

«Пожалуй, я погорячился», — угрюмо сказал незнакомец. — «Прошу прощения, джентльмены».

«Считайте собрание закрытым, джентльмены», — сказал Техас, непринуждённо. — «Мы с моим партнёром уповаем, что паства сохранит наши слова в памяти на будущее. А теперь, бармен, все пьют за наш счёт, за здоровье и счастье нашей уважаемой племянницы — мисс Барбары Уорт».

На улице, спустя несколько минут, Пэт проворчал своё разочарование. «Чтоб черти взяли человека без нутра».

Не обращая внимания на жалобу приятеля, Техас задумчиво отозвался: «Как думаешь, Пэт, может, есть какая правда в том, что тот джентльмен молот? Хоть мы и видали его на той поездке, а всё же Джефферсон Уорт — штука холодная. Скажи начистоту. Что он для малышки делает?»

«Да как раз то самое, что мы видали в той поездке, и наводит меня на мысль, что вопрос-то скорей в том, что малышка с ним сделает», — ответил Пэт, тем самым не посрамив честь своего племени.

ГЛАВА IV

ЛУЧШЕ УЖ НА ДЕВЯНОСТО

Пятнадцать лет перемен оставили на Рубио-Сити мало следов. Роскошные трансконтинентальные поезда, полные туристов, теперь останавливались у вокзала, где под перечными деревьями печально окультуренные индейцы торговали сувенирами, сработанными в Канзас-Сити да Нью-Джерси, — останавливались и шли дальше вдоль края Королевской Впадины, через перевал Сан-Антонио, к великим городам на западном краю континента. Но городку на берегах Колорадо, в этом почти безводном краю, строить своё благополучие было почти не на чем. По улицам всё так же смешивались старожилы пустыни, гор и равнин: с изыскательской вылазки, с рудника или с ранчо; авантюрист, устроитель делишек, индеец, мексиканец, пограничный делец да турист.

Но мало кто из горожан Рубио-Сити помнил теперь историю о девочке-малышке, которую Джефферсон Уорт со своими товарищами отыскал в La Palma de la Mano de Dios. Ибо, хоть Рубио-Сити и переменялся мало с того дня, когда Техасский Джо благополучно вывез упряжку с ребёнком из пустыни, люди приезжали и уезжали, как это водится у их беспокойного племени. Немногие оставшиеся «старожилы» давно перестали пересказывать эту историю. Никто уже не думал о молодой девушке, что в тот день проезжала верхом по улице, иначе как о дочери Джефферсона Уорта.

Покуда она проезжала, люди оборачивались проводить её взглядом — «старожилы» с улыбками узнавания да живописными словами восхищения; горожане с бодрыми приветствиями — взмахом руки или кивком, стоило ей поймать их взгляд; чужаки с Востока — с любопытным интересом и наготове с фотоаппаратами. Вот он, говорили себе приезжие, настоящий Запад.

«Как занятно!» — ахнула какая-то расфуфыренная туристка своему спутнику. — «Гляди, Джордж, на ней раздельная юбка да мужское седло! И гляди! Скорей! Где твой аппарат? У неё револьвер!»

Тот револьвер — изящное, но грозное оружие с перламутровой рукоятью — был подарком Барбаре от её «дядюшек», Техаса и Пэта; и хоть и был он украшением, служил вовсе не для красоты. Девушка нередко ездила одна, как и в этот раз, в долгую прогулку по Месе, а в округе всё ещё водилось немало диких и незаконных личностей.

Но расфуфыренной туристке и не нужно было понукать Джорджа глядеть. В девушке на резвом, горячем коне было нечто, что само притягивало взгляд. Фигура в цвета хаки была так богата жизнью — столько в ней было силы; такое изобилие молодой женской крепости; такой румянец горячей крови проступал в каждой линии её движений, — что устоять перед этим было невозможно. Смотреть на Барбару Уорт было удовольствием; быть рядом с ней — истинной отрадой.

У банка «Пионер» девушка придержала коня и, легко соскользнув на землю, перекинула поводья через голову животного — так привязывают коня на западный манер. Стоя теперь на тротуаре, смеясь и болтая с компанией приятелей, что задержались на минуту поздороваться с ней, она нисколько не теряла того притягательного очарования, что делало её на коне такой отрадной для глаз. Каждое движение, каждый жест выдавали цветущее здоровье. Крепкая плоть её округлых щёк и полной шеи была тепло загорелой и сияла от изобилия горячей крови в жилах. Обрамлённые копной выющихся каштановых волос под широким сомбреро, черты её не были красивы в обычном смысле. Рот, пожалуй, был чуть велик, хоть и хорош собою, а когда она смеялась со своими подругами, открывал ровные, безупречные зубы. Но нечто во взгляде её карих глаз и в каждой её осанке, в каждом движении заставляло забыть о

всякой придиричivosti. То была та здоровая, дерзкая притягательность нетронутой женственности.

«Ах, Барбара, ну как ты могла — как ты могла пропустить прошлый четверг у мисс Колсон? У нас был просто чудесный день!» — вскричала бойкая девица из маленькой компании.

«Да уж, милочка, изволь объясниться», — добавила другая. — «Мисс Колсон это вовсе не понравилось. У неё был изысканный обед, а ты же знаешь, как все привыкли на твою похвалу хорошим угощениям полагаться!»

«Ну, видите ли», — ответила Барбара, повернувшись потрепать шею коня, что, придвинувшись ближе к ней, ласково тёрся мягкой мордой о её плечо, — «мы с Пилотом были на Месе, и он сказал, что не хочет возвращаться. Пилот вовсе не жалуется вечеринки, правда, дружище?» — с ещё одним похлопыванием — «так что мне оставалось делать? Мне, конечно же, не хотелось обижать мисс Колсон, но и Пилота обижать тоже не хотелось; а денёк был такой славный, и Пилот был в таком настроении, и мы так славно проводили время вдвоём! Полагаю, это как раз тот случай, когда 'синица в руках', или 'кто владеет, тот и прав', или что-то в этом духе. Только, ради всего святого, девочки, не говорите мисс Колсон, что я это сказала».

Все дружно рассмеялись с пониманием, и бойкая девица сказала: «Похоже, дело и впрямь в том, кто владеет. Разве найдётся на всём белом свете сила, что заставила бы тебя отказаться от коня да своей пустыни, Барбара?»

Внутри банка Джефферсон Уорт со своей обычной осторожной, точной манерой объяснял мелкому фермеру, что продлить заём под залог его хозяйства невозможно. Лично мистер Уорт был бы рад пойти ему навстречу. Но заём уже продлевали трижды, и на то были веские причины, почему банк обязан его востребовать. Фермеру следовало помнить, что долг банка перед своими вкладчиками и держателями акций священен. Дело было вовсе не в честности фермера; дело было исключительно в Хорошем Деле.

Фермер был встревожен и отчаянно излагал свои доводы. Мистер Уорт же знал положение дел — те непредвиденные обстоятельства, что не позволяли ему расплатиться сейчас. Нужно было всего каких-то два месяца — покуда не созреет новый урожай. Он, конечно, не винил мистера Уорта. Он понимал, что это дело есть дело, но всё же... Фермер вглядывался в это холодное, маскообразное лицо в поисках хоть искры надежды, точно человек, что протягивает руки, моля о жалости, к машине. У него невольно возникало чувство, что банкир вовсе не человек из плоти и крови, а некий механизм, управляемый и приводимый в движение могучей неодолимой силой, которой ему оставалось лишь повиноваться — как паровоз повинуется своему пару.

Джефферсон Уорт снова принялся объяснять точным, размеренным тоном, что заём, исключительно по деловым причинам, невозможен, — как тут в банк вошла Барбара. Покуда девушка здоровалась с кассиром у входа, её голос, полный и звучный, с той же неосознанной силой, что светила в её глазах и звучала в каждом её движении, донёсся через бронзовую решётку окошка и прокатился по всему залу. Джефферсон Уорт запнулся. Вместе с фермером он стоял лицом к открытой двери своего кабинета. Каждый служащий поднял глаза. Уставшие от бумаг клерки с улыбкой отвечали на её приветствие и с новым рвением возвращались к своим книгам. Кассир выпрямился над своими бумагами и, откинувшись на спинку кресла, обменялся с ней шуткой, когда она проходила мимо.

«Ой, прости, отец, я думала, ты один. Как поживаете, мистер Уилер? А как поживает миссис Уилер и тот дорогой малыш?»

Лицо мужчины просияло, стан выпрямился, голос зазвенел от сердечности. «Прекрасно, мисс Барбара, прекрасно, благодарствую. Одно нам нужно на всём белом свете — чтоб ваш батюшка дал мне довольно сроку по этой окаянной расписке, чтоб урожай собрать».

Барбара Уорт была ровно такого роста, чтобы смотреть отцу прямо в глаза. И теперь, глядя на него, банкир почувствовал себя почти так же, как в ту ночь в пустыне, когда малышка, чья мёртвая мать лежала рядом с сухим водоемом, отпрянула от него в страхе.

«О, я уверена, отец будет рад это сделать», — с горячностью сказала девушка. — «Правда же, отец? Ты же знаешь, как тяжело трудится мистер Уилер и сколько бед у него было. И мне тоже нужны деньги», — добавила она, — «за этим я, собственно, и зашла».

Фермер громко рассмеялся. Джефферсон Уорт улыбнулся.

«Но мне они нужны не для себя», — быстро продолжила Барбара, улыбаясь им обоим. — «Они нужны для той бедной мексиканской семьи, что возле фургонного двора, — для Гарсиа. У Пабло сломало ногу в шахте, вы же знаете, и некому присмотреть за его матерью да детишками. Кто-то должен о них позаботиться».

Их прервал клерк, что подал банкиру бумагу. «Готово к вашей подписи, сэр».

Лицо Джефферсона Уорта снова стало холодной серой маской. Методично он вывел своё имя на документе. Затем сказал клерку: «Выдайте мисс Уорт столько денег, сколько она пожелает».

Служащий с улыбкой ответил: «Слушаюсь, сэр», — и удалился.

Барбара повернулась, чтобы идти следом. «До свиданья, мистер Уилер. Передайте миссис Уилер, что скоро я заеду её проведать. Не забыла я то доброе пахтанье, знаете ли».

«До свиданья, мисс Барбара, до свиданья! Передам жёнке. Мы вам всегда рады».

Фермер не сумел бы сказать, что лицо Джефферсона Уорта переменилось или что голос его хоть на тон изменился, когда они снова обратились к делу. «Полагаю, мы вас на этот раз устроим, Уилер. Шестидесят дней, говорите? Лучше уж возьмите на девяносто, чтоб не жаться со сбытом урожая».

Быстро вороной конь нёс Барбару через улицы к окраине города, где саманные домишки прежних времён вперемешку с палатками да лачугами всех видов и мастей были разбросаны в беспорядке до самого края голой Месы. За фургонным двором Барбара повернула Пилота к побелённому домику, что стоял особняком на самой окраине. Её приближение возвестили громким лаем тощая собака да радостные крики троих полуголых мексиканских детишек; и когда конь остановился, в низком дверном проёме показалась женщина.

«Буэнос диас, сеньорита», — окликнула она; затем, всё ещё на родном языке: — «Мануэль, прими коня у сеньориты. А ты, Хуанита, прогони эту псину. Не гоже так гостью встречать. Заходите, заходите, сеньорита. Благослови вас Господь за то, что вы добрая подруга бедным. Заходите же».

Всё в этом жилище, хоть и хранило безошибочные знаки бедности, было чисто да прибрано, а манера самой женщины, хоть и уважительная и тепло признательная, хранила достойное самоуважение. В углу комнаты, на грубой постели, лежал молодой мужчина.

Девушка ласково ответила на приветствие женщины по-испански и, подойдя к постели, заговорила, всё на том же мягком, певучем южном наречии, с мужчиной. «Как ты сегодня, Пабло? Нога-то заживает как надо?»

«Си, сеньорита, спасибо», — ответил он, и тёмное лицо его засветилось радостью и благодарностью, а глаза глядели на неё с выражением немой преданности. — «Да, думаю, заживает понемногу. Да только медленно это, и тяжело лежать здесь, ничего не делая для матери да детишек. Бог знает, что бы с нами случилось, кабы не ваша доброта. Сеньорита — ангел милосердия. Нам вовек не отплатить».

Люди эти были из тех работающих бедных мексиканцев, что получше. Отец умер, а Пабло, старший сын, единственный кормилец маленькой семьи, был покалечен на шахте недели две назад. Барбара навещала их каждые несколько дней, заботясь об их нуждах, как заботилась она и о многих других достойных бедняках Рубио-Сити. За эту работу Джефферсон Уорт без единого вопроса давал ей столько денег, сколько она просила, и часто, на свой холодный лад,

выказывал участие к этому делу, порой даже сообщая ей о тех или иных случаях, что доходили до его сведения. Так дочь банкира прослыла ангелом милосердия и была горячо любима тем самым сословием, что страшилось и проклиняло её отца.

Немного времени девушка провела с Пабло и его матерью, беседуя бодро и ободряюще, с пониманием расспрашивая об их нуждах. Затем, вложив золотую монету в руку женщины и пообещав приехать снова, она попрощалась с ними — «Адьюс».

Недолгий отрезок пути Барбара теперь следовала по старой тропе Сан-Фелипе, по которой её, ещё младенцем, привезли её друзья к дому Джефферсона Уорта. Но там, где старая дорога пересекает железнодорожные пути и ведёт на северо-запад, в Королевскую Впадину, девушка повернула направо, к концу той гряды низких холмов, что окаймляют пустыню.

Покуда её конь взбирался по долгому пологому склону лёгким размашистым галопом западной верховой лошади, вид становился всё шире и шире. Солнце изливало свой поток белого света на широкую Месу, а вдали, всё расширяясь, лежала Королевская Впадина, точно волшебный, вечно меняющийся океан мягких красок. Ближе впереди стояли холмы, бурые и рыжеватые, с синими тенями в каньонах, что переходили в розовое, лиловое и пурпурное по мере того, как тянулись длинной чередой к высоким, увенчанным снегом стражам Перевала. Вдали от города с его многочисленными запахами сухой воздух бодрил, точно вино, и доходил до неё, напоённый духом выжженных солнцем, обдуваемых ветром равнин. Девушка глубоко вдыхала. Щёки её пылали — глаза сияли. Даже конь, точно уловив её настрой, изгибал шею и, в чистой радости бытия, то и дело притворялся, будто пугается чего-то, чего вовсе и не было.

У подножия первого низкого округлого холма Барбара повернула Пилота на северо-запад и велела ему стоять смирно. Теперь девушка сидела неподвижно в седле, глядя вдаль, на La Palma de la Mano de Dios. Именно к этому месту Барбара приезжала так часто, и теперь, глядя на мили и мили этой безмолвной, жуткой земли, лицо её становилось печальным и задумчивым, и во взгляде появлялось выражение, что, как порой говорил Провидец, напоминало ему саму пустыню.

Кроткая миссис Уорт прожила ровно столько, чтобы оставить неизгладимый след своей простой искренности на жизни девочки, что заняла в её сердце место, опустевшее после смерти её собственной дочурки. С утратой второй матери девушка росла без единой женщины-подруги, кроме индианки Инес, и именно к Провидцу, а не к Джефферсону Уорту, обращалась она с самым полным доверием и верой. Детский инстинкт, что привёл малышку в объятия большого инженера в ту ночь в пустыне, не дрогнул за все годы, покуда она вырастала в девушку, и Провидец, чья работа после завершения строительства Ю. и К. звала его во многие уголки Запада, ухитрялся раз в несколько месяцев навещать девочку, которую любил как родную. Мистеру Уорту, что был ей отцом во всём, в чём вообще мог им быть, Барбара отвечала дочерней любовью, но никогда не могла войти в его жизнь так, как входила в жизнь инженера. Так что именно Провидец, после миссис Уорт, стал главным влиянием, что формировало характер девушки, лишённой матери. Его мечты об Освоении земель, его планы и усилия заставить мир признать ценность этого великого дела, вместе с его неудачами и разочарованиями, она разделяла с самых юных лет с особым сочувствием, ибо от неё не скрывали ту трагическую роль, что пустыня сыграла в её собственной судьбе. Особенно занимала её пустыня Королевской Впадины. Ей казалось, что в каком-то смысле пустыня принадлежит ей; что она сама принадлежит пустыне. Это была её Пустыня. Её запустение она разделяла; её ожидание понимала; нечто от её тайны окрашивало её жизнь; нечто внутри неё откликалось на её зов. Это была её Пустыня; она боялась её; ненавидела её; любила её.

Часто, сидя и глядя на эту огромную впадину, Барбара всем сердцем жаждала узнать тайну, что та хранила. Кто она такая? Кто были её люди? Какое имя было дано ей при рождении? Какова была та жизнь, из которой пустыня её вырвала? Но ни разу не пришло ответа на её мольбу из грозной «Ладони Божьей Руки».

Прежде чем Барбара в тот день покинула дом, некий мужчина, шагая длинным, лёгким шагом, шёл по тропе Сан-Фелипе из города на Месу. Был он высок и такого угловатого, поджарого сложения, что тело его, казалось, состояло по большей части из костей, скреплённых сухожилиями, почти столь же твёрдыми, как сам костяк. Худое, обветренное лицо его было выжжено солнцем до цвета седельной кожи. Одет он был в вельветовые штаны, подпоясанные и заправленные в высокие шнурованные сапоги, мягкую серую рубашу и мягкую шляпу, а через его квадратные плечи был перекинут ремень небольшой фляги. Длинные ноги несли его по земле с удивительной скоростью, так что прежде чем Барбара покинула мексиканскую семью, пеший путник уже достиг подножия низкого холма у входа в каньон.

С поразительной лёгкостью мужчина взобрался по крутому, каменистому склону холма, где, выбрав удобный валун, уселся и обратил внимание на дивную картину, что от его ног простиралась на мили и мили до пурпурной стены гор на западе. Он сидел так неподвижно и так был поглощён созерцанием пейзажа, что рогатая жаба, шмыгнувшая под край валуна при его приближении, снова выползла наружу, отважившись подобраться почти к самому каблуку его сапога; а ящерица, взбираясь на камень за его спиной, едва не коснулась его плеча.

Когда Барбара покинула тропу Сан-Фелипе и поехала к холмам, взгляд мужчины привлекла движущаяся точка на Месе, и он пошевелился, доставая из кармана куртки полевой бинокль, — а от его движения рогатая жаба и ящерица мигом скрылись. Наведя бинокль, он без труда разглядел фигуру девушки верхом на коне, что двигалась в его сторону. Он снова обратился было к созерцанию пейзажа, но позже, когда конь с всадницей приблизились, вновь поднял бинокль, чтобы взглянуть ещё раз. На этот раз он уже не отвёл взгляда.

Быстро, покуда Барбара приближалась всё ближе и ближе, черты её наряда и снаряжения становились всё отчётливее, покуда мужчина с биноклем не сумел разглядеть даже бахрому на её перчатках, очертания её лица и цвет волос. Когда она остановилась и повернулась взглянуть на пустыню внизу, он позабыл о картине, что так занимала его прежде, и продолжал смотреть на неё. Когда же девушка повернула лицо в его сторону и, казалось, поглядела прямо на него, он в смущённом замешательстве опустил бинокль, на миг позабыв, что на таком расстоянии, в своей серо-жёлтой одежде, так сливающейся с землёй и камнем, он никак не мог быть замечен. С тихим смешком над своим нелепым положением он опомнился и снова поднял бинокль, наведя его на Барбару, что теперь быстро скакала к устью маленького каньона, открывавшегося позади того холма, где он сидел.

Внезапно, с восклицанием, молодой человек вскочил на ноги. Бегущий конь споткнулся и упал. После нескольких попыток подняться животное осталось лежать неподвижно. Девушка не шевелилась. Длинными прыжками мужчина ринулся вниз по крутому каменистому склону холма.

Когда Барбара медленно открыла глаза, она лежала в тени каньонной стены, на некотором расстоянии от того места, где споткнулся её конь. Всё ещё оглушённая падением, она медленно огляделась, силясь собрать разбежавшиеся мысли. Место было ей знакомо, но она не могла вспомнить, как здесь очутилась. И где же её конь — Пилот? И откуда взялась эта фляга на земле рядом с ней? При этой мысли она села и огляделась как раз вовремя, чтобы увидеть высокую, поджарую, грубо одетую фигуру, что приближалась к ней со стороны устья каньона.

Мгновенно девушка потянулась за оружием. Кобура была пуста.

Мужчина, уже совсем близко, увидев этот многозначительный жест, остановился; затем, подойдя ближе, молча протянул ей её же собственный револьвер с перламутровой рукояткой.

Всё ещё в замешательстве, повинаясь порыву предыдущего мгновения, Барбара выхватила оружие из протянутой руки и мигом взяла молчаливого незнакомца на прицел.

Весьма неспешно тот отступил на несколько шагов и высоко поднял обе руки над головой.

«Кто вы такой?» — резко спросила девушка.

«Белый человек», — ответил он с чудаковатой усмешкой, добавив, точно спохватившись, — «и джентльмен».

«Но почему — что — как я сюда попала? Откуда вы взялись?»

«Я был вон там, на холме. Видел, как упал ваш конь, и поспешил к вам самым коротким путём. Вы были без сознания, и я перенёс вас сюда, подальше от солнца».

«Теперь припоминаю», — сказала Барбара. — «Мы неслись галопом, и Пилот упал. Должно быть, угодил ногой в яму». Она поднесла свободную руку ко лбу и обнаружила, что та мокрая. Взгляд её упал на флягу, и краска мигом вернулась к её лицу. «Но вы так и не сказали мне, кто вы такой», — сурово произнесла она, обращаясь к мужчине, что всё ещё стоял с поднятыми руками.

«Я землемер, иду на юг с партией на предварительные изыскания. Мы прибыли в Рубио-Сити сегодня утром, рассчитывая застать Шефа, что писал мне из Нью-Йорка встретить его тут со снаряжением. Он ещё не прибыл, и делать было нечего, вот я и вышел на Месу ещё раз взглянуть на этот край Королевской Впадины».

Барбара знала, что Провидца вызвали в Нью-Йорк какие-то капиталисты, заинтересовавшиеся финансовыми перспективами дела освоения земель. При объяснении незнакомца о причине его присутствия она поглядела на него с волнением и любопытством. «Вы хотите сказать — это Провидца вы ждали встретить? Вы... с ним?»

Молодой человек серьёзно улыбнулся. «Я был уверен, что это вы», — ответил он. — «Вы та самая девчушка, которую мы нашли в пустыне».

«А вы, — с жаром вырвалось у Барбары, — вы, верно, Эйб Ли!»

Землемер ответил с чудаковатой усмешкой: «Как думаете, могу я теперь опустить руки? Я безоружен, знаете ли, а вы всё ещё сможете в меня выстрелить, коли сочтёте нужным».

В своём волнении Барбара позабыла, что всё ещё держит оружие направленным прямо на него. Она опустила револьвер со смущённым смешком. «Прошу прощения, А... мистер Ли. Я не сообразила, что держу на мушке своего...» — она замялась, затем закончила серьёзно, — «своего единственного брата».

Быстрый, радостный огонёк вспыхнул в острых голубых глазах землемера. «Так вы меня не забыли?»

«Забыла! Когда отец, и Провидец, и Техас, и Пэт, и вы — вся моя семья на всём белом свете». Губы её дрогнули, но она храбро продолжала: «Провидец рассказывал мне о вас столько всего, и я так много о вас думала. Только я не сообразила, что вы уже большой, взрослый мужчина. Провидец всегда говорит о вас как о мальчике, вот я и звала вас всегда своим братом Эйбом, как зову Техаса и Пэта своими дядюшками. Но я думаю, вам бы стоило иногда меня навещать. Почему вы не пришли прямо ко мне сегодня утром, а вместо этого потащились пешком сюда, в одиночестве?»

Эйб Ли молчал. Как объяснить ей то место в своей жизни, что занимала маленькая девочка, которую он знал те два года, что строительство железной дороги удерживало его с Провидцем в Рубио-Сити? Как ей понять ту бедность и суровые тяготы его юношеской борьбы, когда единственное свободное время от работы он должен был отдавать своим книгам, покуда она росла в доме банкира? Он был куда более одинок на этом свете, чем Барбара. Кроме Провидца, у него никого не было. С Техасом и Пэтом он встречался время от времени, когда их сводило вместе на какой-нибудь стройке, и они всегда говорили о ней; а инженер часто рассказывал ему об интересе Барбары к своему «брату»; порой Провидец даже делился с ним её письмами. Но всё это лишь подчёркивало ту пропасть, что лежала между ними. То была пропасть не миль, а положения — обстоятельств. Безымянная малютка-найдёныш из пустыни стала дочерью Джефферсона Уорта. Дитя горняцкого лагеря — это был Эйб Ли. Так что, когда наконец работа снова привела его в Рубио-Сити, он избегал встречи с ней и вышел на Месу поглядеть на La Palma de la Mano de Dios — побыть одному.

Барбара, видя его смущение от своего вопроса, отчасти угадала причину и мягко попыталась разрядить обстановку. «Думаю, нам стоит теперь отыскать моего коня да отправляться домой», — сказала она.

Худое, загорелое лицо землемера исполнилось сочувствия, когда он ответил: «Мне жаль, но ваш пони уже отбегался».

«Отбегался! Пилот? Ох! Вы же не хотите сказать — не хотите...»

Эйб объяснил просто: «Нога у него была сломана, подняться он не мог. Ничего нельзя было для него сделать. Он так мучился, что я... За этим я и одолжил ваше оружие».

Долгое время она сидела совсем неподвижно, а мужчина, поняв, что ей хочется побыть одной, тихо отошёл немного вверх по каньону, за выступ скалистой стены. Неторопливо усевшись на валун и достав из кармана фланелевой рубашки табак с бумагой, он скрутил самокрутку. Глубокая затяжка — и серое облачко медленно поднялось от его губ и ноздрей. Наклонившись, он аккуратно собрал горсть острых камешков и, один за другим, лениво швырял их к противоположной стороне каньона. Ещё одна щедрая затяжка дыма — и вторая горсть камешков последовала за первой. Затем, поднявшись, он бросил самокрутку и вернулся к ней.

«Думаю, нам пора идти», — он замялся, — «сестрёнка».

Она подняла на него взгляд с понимающей улыбкой. «Спасибо тебе — Эйб. Можно нам вернуться вон через тот холм, как думаешь? Я... мне не хочется видеть его снова».

Вместе они взобрались на низкий холм у устья каньона, откуда он увидел несчастье, пока девушка решительно держала взгляд устремлённым вперёд, чтобы не видеть мёртвого коня на равнине внизу. Когда вершина холма оказалась между ними и каньоном, она попросила его остановиться, и вместе они стояли, глядя вниз и вдаль, на широкие просторы Королевской Впадины.

«Разве не величественно? Разве не жутко?» — сказала она тихим, благоговейным тоном. — «Прямо-таки больно. Кажется, будто зовёт — зовёт; ждёт — ждёт кого-то. Порой мне думается, что, может, меня. Я боюсь её — ненавижу её — люблю её так сильно». Голос её дрожал от сильного чувства, и землемер, взглянув на неё, увидел её широко раскрытые глаза, её напряжённое выражение — и почувствовал, как и Провидец, что она и вправду чем-то схожа с пустыней.

«Ты часто сюда ездешь?» — спросил он с любопытством.

«Да, часто», — ответила она. — «Мне никак не обойтись без моей Пустыни, а отсюда её лучше всего видеть. Провидец всегда приезжает сюда со мной, когда может. Как думаешь, освоят ли когда-нибудь эту землю?» Она повернулась к нему с этим вопросом.

«Ну, этого никто наперёд сказать не может, знаешь ли», — медленно ответил он. — «Изысканий тут ещё никогда не проводили».

«А вот я, — заявила она с горячностью, — я знаю. Так и будет. Слушай! Разве не слышишь, как она зовёт? Мне думается, именно этого она и дожидалась все эти века».

Землемер улыбнулся, точно потакая ребёнку. «Может, ты и права», — сказал он.

«Вот теперь ты надо мной смеёшься», — быстро отозвалась она. — «Все так делают: отец, и Провидец, и Техас, и Пэт. Но вот увидишь! Хотя мне и думается, что Провидец в глубине души считает, что я права, только он всегда, как и ты, говорит, что изысканий никогда не проводили; а порой мне кажется, что даже отец — в самой глубине сердца — тоже в это верит».

Всю долгую дорогу до дома Барбары они говорили о Пустыне и о мечтах Провидца об Освоении земель; и Эйб рассказал ей, как наконец те «тупоголовые капиталисты», как называла их Барбара, открыли глаза. Сам великий Джеймс Гринфилд прочёл статью Провидца «Освоение земель с точки зрения вкладчика» и написал ему письмо. В итоге этой переписки инженер отправился в Нью-Йорк; и теперь компания, учреждённая Гринфилдом, посылала его на юг осмотреть большую территорию и составить доклад о возможностях её освоения.

Когда они добрались до дома Барбары, там застали самого Провидца. Пятнадцать лет не оставили заметных перемен в облике инженера. Стан его по-прежнему был крепок и прям, разве что волосы чуть тронула седина. Но внимательный наблюдатель заметил бы в его лице, в минуты покоя, лёгкий налёт грусти — то неопишное выражение человека, что начинает всё меньше верить в собственные силы, или, вернее, после многих разочарований начинает сомневаться, доведётся ли ему дожить до воплощения самых заветных своих замыслов. Не потому, что он меньше верит в свои видения, а потому, что теряет надежду сделать их понятными для других.

Когда вечерняя трапеза закончилась, землемер попрощался, ибо экспедиция должна была тронуться поутру, а у него ещё оставались дела. Когда он ушёл, Барбара присоединилась к отцу и инженеру на веранде. «Вот они», — сказала она. — «Правда же, хорошо я их для вас берегла?» Она протягивала Провидцу коробку сигар.

«И правда хорошо», — отозвался инженер довольным тоном, доставая прохладную, влажную гавану. — «Ты славная, добрая девочка».

Джефферсон Уорт табака не употреблял, но в доме издавна повелось неписаное правило: Провидец, когда приезжал, непременно должен был выкурить свою вечернюю сигару на веранде, а хранительницей запасов должна была быть Барбара. Ей нравилось видеть, как крепкое лицо друга внезапно выступает из сумерек при вспышке спички, и наблюдать, как в темноте разгорается и тлеет огонёк сигары, покуда они беседуют.

«А что скажешь про своего брата Эйба, Барбара?» — спросил большой инженер, когда сигара его хорошо раскурилась. — «Небось заговорил тебя чуть не до смерти?»

Девушка рассмеялась. «Едва ли у него был на то случай. Обычно ведь я больше всех говорю, знаете ли».

Провидец усмехнулся. «Эйб мне как-то сказал, что большую часть времени чувствует себя устрицей, а остальное время так злится на себя за то, что он устрица, что не может и слова подобрать по делу».

«По-моему, он просто замечательный!» — с жаром возразила Барбара.

«Так и есть», — искренне отозвался инженер. — «Не знаю в нашем деле другого человека, на кого я мог бы положиться так безоговорочно в работе определённого рода. Понимаешь, Эйб родился и вырос в диких, необжитых краях, и у него природный дар к своей работе, что граничит почти с гениальностью. При таком знании природы, добытом через его удивительную наблюдательность и способность делать выводы, сомневаюсь, что у Эйба Ли сегодня найдётся равный среди тех, кого можно назвать 'разведчиком-землемером'. Верю, что сделан он из железа. Голод, холод, жажда, зной, сырость — на него, кажется, ничто не действует. Он перегонит, переработает, пересидит и перехитрит любого мужика, какого я только встречал. У него звериное чутьё находить дорогу и самые крепкие нервы, что я видел. Его честность и верность граничат почти с фанатизмом. Но робок он и застенчив, точно школьница, и чувствителен, как стеснительный мальчонка. По чести говоря, верю, что сегодня он смыслит в великих инженерных делах Запада куда больше, чем девять из десяти дипломированных инженеров, но видал я, как он час просидит совсем немой, до полусмерти напуганный, слушая пустую болтовню какого-нибудь бойкого желторотика, у которого чернила на дипломе ещё не просохли. Но поставь его в поле, во главе партии из тех же самых молодцов, и он будет боссом до последнего колышка на линии, до последнего куска еды в упряжке, хоть бы ему пришлось половину из них уложить, чтоб этого добиться. Полагаю, ты решишь, что я малость увлёкся, расхваливая свою правую руку», — закончил он с коротким извиняющимся смешком, — «да так оно и есть. Всё потому, что я его знаю».

Он чиркнул ещё одной спичкой, и Барбара на миг увидела его лицо. Когда спичка погасла, она глубоко вздохнула. «Я рада, что ты это сказал», — тихо промолвила она. — «Мне хотелось, чтоб ты это сказал. Уверена, он это заслужил».

Затем они заговорили о новой экспедиции Провидца, что должна была отправиться на юг на рассвете, и Барбаре казалось, будто сам воздух был пропитан предчувствием великой эпохи, когда человеческий род направит все свои силы на то, чтобы обратить миллионы акров пустынной, голой пустоши в плодородные фермы да прекрасные дома для людей.

На рассвете девушка уже была на ногах, чтобы проводить Провидца. «Хотела бы я, — сказала она с тоской, стоя с ним мгновение у калитки, — хотела бы я, чтоб это мою Пустыню вы с Эйбом отправлялись обследовать».

Инженер с улыбкой ответил: «Может статься, придёт когда-нибудь и это».

«Я знаю, что придёт», — просто сказала она.

И куда она стояла перед ним во всей прекрасной силе своей юной женственности, Провидец ощутил ту нежную, таинственную власть её натуры — ощутил её с отцовской любящей гордостью. «Верю, ты и правда знаешь, Барбара», — сказал он. — «Верю, что знаешь».

ГЛАВА V

ЧТО РАССКАЗАЛ ИНДЕЕЦ ПРОВИДЦУ

Творя Пустыню Барбары, режущая каньоны, строящая дельту река не считала веков своего труда; режущие скалы, творящие берега волны не вели счёта эпохам своей работы; палящее, неизменное солнце и сушащие, гонящие пески ветры не заботились о годах. Оттого и время истинного начала того, что произошло в этой земле моего рассказа, неведомо.

Где-то в той вечности, что лежит позади всех минувших дней, великая река нашла солёные волны океана на глубине многих саженей там, где теперь лежит Королевская Впадина, и простиралась на сто семьдесят миль к северу от того берега, что принимает их плеск и поныне. Медленно, сквозь века той эпохи всех начал, река, прорезая каньоны и долины на севере и унося на юг груз своего ила, возвела с востока через залив до Одинокой Горы могучую дельтовую плотину.

К югу от этой новой земли океан всё ещё принимал реку; к северу же залив обратился во внутреннее море. Верхний край этого новорождённого моря бился без толку о цепь низких, голых холмов, за которыми лежали многие мили безводного края. К востоку тянулись ещё многие мили унылой пустоши. А меж этим морем и родным океаном на западе, простираясь на юг мимо дельтовой плотины, горы Береговых хребтов преграждали путь всякому облаку, несущему влагу, и заворачивали вспять всякий поток, дающий жизнь. Так пойманные и беспомощные, светлые воды, со всей своей жизнью, оказались под неизменными, свирепыми, палящими лучами полутропического солнца и съёживались под неутомимым напором сухих ветров. Века той эпохи, всё так же несчитанные, тоже прошли, и дно того моря лежало голым, сухим и безжизненным под пылающим небом, всё так же битое немилосердным солнцем, всё так же обдуваемое жгучими ветрами. Место, что некогда держало радостные воды со всей их кипучей жизнью, стало пустой чашей слепящего песка, дрожащего зноя, жуткой смерти. Не замечая содеянного разрушения, река несла свой путь дальше.

И так — стиснутая горной стеной, голыми холмами да безводными равнинами; забытая океаном; покинутая рекой — та жаждающая земля лежала, самым одиноким, самым пустынным клочком на всём этом великом Западном континенте.

Но река не могла учинить это разрушение, не отдав пустыне заодно ту богатую силу, что собрала со своих притоков. Смешанный с песком древнего морского дна, лежал ил из дальних гор, холмов и равнин. Та чаша Смерти была не просто пыльной могилой былой жизни; то была гробница, что хранила огромное сокровище жизни грядущей — жизни, что придёт, когда века сотворят и своих избранных, способных сказать реке: «Верни своё!» — людей, способных властью своей повелеть богатой жизни внутри гробницы явиться на свет.

Но избранные люди — не плод годов, а зачастую и не плод веков. У людей моего рассказа тоже есть свои истинные истоки в эпохах, слишком далёких, чтобы их счесть. Главные страсти, направляющие инстинкты, ведущие желания и гонящие страхи, что рубят, режут, лепят и кроют род людской, столь же не считаются с годами, как волна, река, солнце и ветер. Оттого забытая земля хранила своё богатство, покуда Время не сотворит великанов, способных его взять.

За века тех забытых эпох, что шли на созидание пустыни Королевской Впадины, семьи людские медленно вырастали в племена, племена медленно вырастали в народы, а народы медленно вырастали в целые миры. Новые миры старели; и другие новые миры открывали, изучали, обживали и тоже старили; война, голод, мор и достаток рубили и лепили, резали, строили и кроили — так же, как волна, река, солнце и ветер. Царства земли, воздуха и воды отдавали своё богатство по мере того, как человек набирался сил, чтобы его взять; стихии склоняли шею под его ярмо, служа и поднося ему по мере того, как он набирался мудрости повелевать; глушь

отступала, горы обнажали своё нутро, пустоши платили дань по мере того, как он набирался отваги приказывать.

Через весь широкий континент следы дикой жизни затоптали широкие скотогонные тропы, пути стад отметили колёса переселенческих фургонов, а дороги неспешных упряжек обратились в быстрые стальные тракты. На Востоке великие города, принимавшие орды со всех земель, всё разрастались. На дальнем западном побережье многолюдство строилось, как строилось и на Востоке. На Юго-Западе одна дикая раса сменяла другую, покуда наконец медлительные падре не догнали быстроногого индейца, а грубая цивилизация, что стала возможной благодаря священникам, в свой черёд не обогнала и самих священников.

Вокруг земли моего рассказа, забытой под сухим небом, этот вечно беспокойный, вечно вздувающийся прилив жизни кружился и вился — кружился и вился, но не касался её. На западе он доходил до самого подножия суровой горной стены. На востоке одна дальняя рябь дотянулась даже до реки — тогда родился Рубио-Сити. Но Пустыня ждала, безмолвная, жаркая и грозная в своём запустении, храня свои сокровища под печатью смерти до прихода сильных; ждала, покуда те же силы, что творили людей на протяжении долгих веков, не завершат и свою работу; ждала этой эпохи — твоей и моей эпохи — эпохи Провидца и его товарищей — дней моего рассказа, дней Барбары и её друзей.

Экспедиция Провидца, возвращаясь с юга, разбила лагерь на берегу Рио-Колорадо в двадцати милях ниже Рубио-Сити. То была последняя ночёвка перед возвращением. Ужин был окончен, и люди с трубками да самокрутками устроились кто как в разных беспечных позах отдыха после долгого дня. Их обожжённые солнцем лица, закалённые фигуры и потёртая, запятнанная пустыней одежда свидетельствовали о неделях труда под открытым небом, в этом почти безводном краю. Кто был старожилом — ветераном не одной такой кампании. Двое были новичками, в первой своей поездке. Все были крепкими, ладно скроенными, полными сил образчиками смышлёного, здорового мужского племени, ибо ни в одном ремесле, не исключая ни армию, ни флот, не сыскать людей крепче, чем наши инженеры-путейцы.

Легко разговор зашёл о завтрашнем вечере в Рубио-Сити — о банях и цирюльниках, о добрых постелях, чистой одежде да обедах, о радостях цивилизации и будущих возможных работах. Немало добродушных подначек ходило туда-сюда с сердечным задором. Шутки, что успели поистрепаться за все эти дни и ночи, покуда партия была отрезана от всякого другого общества, оживали с новым интересом. Случаи и происшествия поездки пересказывались и обсуждались со вкусом, то тут, то там перемежаясь замечаниями о самой работе, ещё свежей в памяти.

Эйб Ли, сидя спиной к колесу фургона, вытянув перед собой длинные ноги, слушал, наслаждаясь этим на свой лад, принимая свою долю подначек с медленной улыбкой, выпуская большие клубы дыма от самокрутки и лишь изредка вставляя слово или короткую фразу в общий разговор. Эйб был здесь как дома, среди этих людей, в пустынной ночи. Под началом Шефа он был для них хозяином — уважаемым, любимым, вызывающим восхищение. Но старожилы знали: завтра, в городе, среди тех же самых людей, в обычном платье, на улице или в гостинице, этот землемер станет застенчив и неловок, точно деревенский паренёк. Оттого его подначивали насчёт его многочисленных зазноб в Рубио-Сити и пересказывали вымышленные от первого до последнего слова любовные похождения и романтические приключения, что якобы случались с ним в разных краях страны за все годы, что они его знали. Ни один из них не удивился бы больше, узнай он о приключении Эйба в тот полдень, накануне их отъезда из Рубио-Сити, и о том, как каждый день тяжкого, изнурительного труда в экспедиции перед ним стоял образ той девушки, которую он высмотрел в свой полевой бинокль.

Когда огонь острословия перекинулся на другую мишень, Эйб медленно поднялся на ноги и выскользнул из круга. Тихо подойдя к кухонному фургону, где китаец сидел, покуривая в одиноком величии, он спросил: «Винг, где Шеф? Я видал, ты с ним недавно говорил».

«Моя не знает, босс Эйб. Шеф, он туда пошёл». Он указал своей длинной бамбуковой трубкой в сторону реки. «Винг думать, Шефу плохо, босс Эйб; чёрт».

Белый мужчина молча поглядел на китайца с мгновение, затем сказал: «Ты хороший парень, Винг. Доброй ночи».

«Ночи, босс Эйб», — донёсся жалобный ответ, и землемер пошёл дальше, туда, где грубым лагерем расположилась партия индейцев-кокопа. Их он приветствовал по-испански и спросил: «Шеф был с вами после ужина?»

«Нет, сеньор. Он там, у реки, недавно был», — сказал один, указывая на группу тополей, что поднимались над зарослями ив.

«Буэнос ночес, омбрес», — сказал Эйб.

«Буэнос ночес, сеньор», — донёсся хор тихих голосов в сумерках.

На высоком берегу, под тополями, сидел Провидец, склонив голову. Он не замечал широкого жёлтого потока илистой воды, что так безмолвно катился мимо него; не видел мириад звёзд на бархатном небе, не замечал золотой луны, что медленно взбиралась над тёмной равниной земли. Весёлые голоса и смех его людей доносились до него из лагеря, но он их не слышал. Завтра экспедиция закончится, партия разойдётся. Он составит доклад капиталистам, что послали его в путь. Доклад! — Провидец застонал. Немного слов понадобится, чтобы подытожить труд последних двух месяцев, да только сложить их будет непросто. Ухо его уловило треск ветки, и запах табачного дыма долетел до него. Он быстро повернул голову. «Это ты, Эйб?»

Долговязая фигура землемера опустилась на берег рядом с ним. С минуту оба молчали, пока Провидец неспешно набивал и раскуривал трубку.

«Ну что ж, парень, — сказал он наконец, — вот мы и подошли к концу ещё одной неудачи».

«Поедете в Нью-Йорк, сэр?»

«Нет, в том нужды не будет. Всё, что нужно сказать, я уложу в полсотни слов».

«Может, они пошлют вас снова», — предположил землемер.

«Их интерес недостаточно крепок. Они взялись за это дело только потому, что кто-то другой присматривался к тому же предложению. Оттого им и подумалось, что тут может что-то быть. Кабы у меня был капитал на изыскания, да я мог бы прийти к ним с данными по какому другому проекту, они бы, может, и подумали, но...»

Эйб скрутил ещё одну самокрутку, и вместе с первым облачком дыма пришли неспешные слова: «Ну что ж, тогда давайте раздобудем эти данные».

Даже от этого предложения, казавшегося безнадёжным, упавшее сердце старого инженера забилося быстрее. Он повернул лицо к младшему товарищу. «Где?»

Эйб протянул длинную руку к широкой Колорадо у их ног и к пустыне за ней. «Королевская Впадина. Вы мне не раз рассказывали про тот край. Коли я верно смекаю расположение земли, мы сейчас где-то у южного её конца, у начала возвышенности той дельты, что отгораживает от океана. Воды тут хватит на впятеро большую территорию».

«Ты хочешь сказать...» — быстро начал было Провидец и осёкся.

«Я хочу сказать вот что: северную и северо-восточную часть Впадины вы уже знаете по железной дороге. С запада вы прошли её по тропе Сан-Фелипе. Отправьте завтра упряжку с ребятами. Выдайте им расчёт в банке и отпустите. Мы с вами вдвоём можем разведать дельтовый конец той земли, вон там, недельку-другую, и коли выглядеть будет хорошо, вместе с тем, что вы уже видали, у вас хватит на что говорить. Тогда поезжайте в Нью-Йорк, и когда будете докладывать по южному проекту, обрушьте на них вот это».

«Эйб, — задумчиво сказал инженер, — предложи мне такое кто другой, а не ты, — пойти к этим капиталистам и заинтересовать их проектом, к которому даже прибор не приложен, — я бы его с ног сшиб. Эдакая дерзость погубила бы любого инженера-путейца на свете, коли...»

«Коли бы он ошибся в догадке», — сухо закончил Эйб.

«Коли бы он ошибся в догадке», — неохотно признал Провидец.

«А коли вам покажется, что дело выглядит достаточно хорошо, чтоб рискнуть своим суждением, у вас найдутся веские доводы», — рискнул заметить Эйб. — «В том старом морском дне не меньше пятисот тысяч акров. Колорадо несёт воды впятеро больше, чем на такую площадь нужно. Железная дорога уже проложена вдоль одного края; Сан-Фелипе да всё побережье под боком. Это дело побьёт то, другое, во сто раз, коли его вообще можно сделать».

Провидец встал и принялся расхаживать взад-вперёд в ярком лунном свете. Наконец он сказал: «Коли примешь то место у Ханта на севере, тебе стоит выехать немедля. Та работа — лучшее, что тебе выпадало. Не хочешь ли ты его принять?»

«Вы знаете, чего я хочу, коли я вам сгожусь».

«На эту поездку я могу выкроить тебе прежнее жалованье, но дальше того — сам знаешь, как всё это неверно. Хант больше ждать не может».

«Послушайте, — сердито сказал Эйб, — когда я делал своё предложение, я так понимал, что жалованье наше кончится, как только мы отпустим упряжку. Вы что, думали, я хотел, чтоб весь риск вы одни несли? Я всего лишь землемер, а вы учёный инженер, но дело это для меня значит не меньше, чем для вас. Дайте мне разделить расходы, и я с вами, а на других условиях — нет. Пускай Хант со своей работой катится ко всем чертям. Не пойму, с чего вы взяли, что я работаю только за жалованье». Для Эйба это была длинная речь.

Инженер положил свою большую руку на плечо молодого человека. «Спасибо, Эйб, — сказал он. — Это мне по душе. Я всегда знал, что в тебе это есть. Но путь тяжёлый, парень, чертовски тяжёлый!» Затем: «Интересно, есть ли у нас в отряде индеец, что знает этот край?»

«Есть, сэр, — тут же ответил Эйб. — Хосе знает его хорошо. Я его целый месяц прощупывал. Сейчас приведу».

Покуда долговязая фигура землемера скрывалась в стороне лагеря кокопа, Провидец улыбнулся про себя. «Прощупывал его целый месяц», — повторил он. — «Стало быть, он смекнул почти прежде меня самого, что то, другое предложение никуда не годится. Хм!»

Он повернулся к реке и вгляделся в ночь, туда, где лежала Королевская Впадина — причудливая страна грёз под лунным светом. И оттого что немыслимо было думать о Пустыне Барбары, не думая о самой Барбаре, он снова улыбнулся, размышляя, что мало сна выпало бы этой ночью девушке в Рубио-Сити, узнай она, что они с Эйбом затевают. С другого берега реки донёсся пронзительный, рычащий, твякающий хор койотов, и инженер вновь увидел тело мёртвой женщины у сухого водопоя, пустую флягу и большеглазую, каштановолосую малышку, протягивающую к нему руки.

Хоть Провидец был слишком осторожным инженером, чтобы с ходу принять предложение Эйба, он повидал слишком много доказательств гения этого выросшего в пустыне землемера, чтобы не отнестись к его предложению всерьёз. К тому же он был слишком мечтателем, чтобы не поддаваться мыслям о Барбаре и её связи в его сознании с этим самым проектом. Могло ли стать, что земля, столь трагически подарившая ему это дитя, теперь готова была воплотить его мечты об Освоении земель?

Его размышления прервало возвращение Эйба, за которым следовал старый, седой кокопа.

«Расскажи Шефу то, что рассказал мне, Хосе», — сказал землемер и, отступив в сторону, скрутил неизбежную самокрутку с видом человека, вовсе устранившегося от обсуждаемого дела.

«Ты знаешь тот край, вон там, Хосе?» — спросил Шеф.

«Си, сеньор», — донёсся тихий ответ, и, протянув руку, индеец мягко повернул инженера так, что тот встал спиной прямо к реке. Взяв правую руку Провидца и держа её раскрытой, ладонью вверх, в своей собственной, другим тёмным пальцем прочерчивая линии, точно по рельефной карте, он продолжал по-испански, ведя пальцем осторожно вдоль большого пальца

белого от запястья: «Вот тут горы, что отгораживают край у Большого Моря, где Сан-Фелипе. Я бывал там однажды, давно. Мой народ там жил». Он указал на промежуток между первым и вторым суставом большого пальца. Затем коснулся основания мизинца Провидца. «Тут Рубио-Сити». Затем, проведя по внешнему краю ладони к запястью: «Тут холмы, и железная дорога, что построил сеньор». Палец его остановился в ложбинке между основанием большого пальца и внешним краем ладони у запястья. «Дорога сеньора идёт через Перевал в высоких горах, вот тут». Затем, от внешнего края ладони, он провёл линию через ладонь у основания пальцев. «Река идёт вот так, к большой воде, что заходит с моря, вот тут». Он указал на открытое пространство между отставленным большим пальцем и внутренним краем ладони.

«Мы сейчас стоим вот тут». Он коснулся основания указательного пальца Провидца. «Это Ладонь Божьей Руки, сеньор — *La Palma de la Mano de Dios*», — повторил он благоговейно. Он выпустил руку инженера и стоял тихо, ожидая вопросов.

Провидец снова протянул руку и, указывая собственным пальцем на внутренний край ладони меж основанием указательного пальца и большого, спросил: «Земля тут высокая?»

«Си, сеньор, немного. Точно как рука. Тут вот совсем низко». Он коснулся самой глубокой части ладони. «А тут, где мы стоим, немного высоко. Иногда, когда много воды приходит, река разливается по всему тут». Он указал на самый крайний внутренний край ладони. «Чаше всего эта вода идёт вся вот так» — к открытому пространству между большим пальцем и ладонью. «Иногда немного идёт сюда». Он провёл по линиям, что пересекают ладонь к запястью.

«Ты можешь показать нам этот край?»

«Си, сеньор».

«Сколько времени это займёт?»

«Как захотите. Отсюда до Одинокой Горы напрямик — может, один день пути, может, два дня пути».

«Там есть вода?»

КАРТА LA PALMA DE LA MANO DE DIOS (ЛАДОНИ БОЖЬЕЙ РУКИ), НАРИСОВАННАЯ АЛЛЕНОМ КЕЛЛИ, РАНЧО ТЕКОЛОТЕ, 1911

«Си. Много воды осталось от реки, с тех пор как последний раз большая вода приходила».

Шеф поглядел на молчаливого Эйба, затем снова на старого индейца. «Хорошо, Хосе; мы выезжаем поутру — ты, сеньор Ли и я. Будь готов».

«Си, сеньор. Буэнос ночес, сеньорес».

«Доброй ночи! Доброй ночи!» — отозвались оба белых.

Немало было толков среди удивлённых землемеров на следующее утро, когда Шеф выдал каждому расчётный чек и поставил во главе старожила, дав указания насчёт упряжки, когда та прибудет в Рубио-Сити.

Два гружёных вьючных мула да три верховых пони были готовы, когда Провидец покончил со своими делами с людьми. Прощались со всеми по кругу, и Провидец с Эйбом, а впереди Хосе, повернули обратно на юг.

«Похоже, они чего-то позабыли», — сказал один из новичков, покуда вся группа стояла, глядя, как маленький отряд ровной рысью удаляется вдаль, судя по всему, повторяя тот же путь, каким экспедиция шла накануне.

«Сынок, — заметил ветеран, оставленный за старшего, — чего один из этой парочки позабудет, другой уж наверняка вспомнит. Все приметы говорят, что затевают они большое колдовство. А нам с этим и дела нет, кроме как поспешать в Рубио-Сити да обналичить наши чеки. Господи, вот бы мне с ними», — прибавил он с сожалением, отворачиваясь.

С припасами на три недели на вьючных животных да с заверением Хосе, что в разливных землях найдётся корм и вода для лошадей, Провидец с Эйбом собирались обойти большую

часть той территории, что лежит между Рио-Колорадо и Одинокой Горой. Именно здесь великая река, в давно минувшие века, возвела дельтовую плотину, отрезав тем самым северный конец залива, что теперь стал пустыней Королевской Впадины. По их плану, они должны были пройти вдоль этой возвышенности, что отделяла океан от Впадины, до самых гор, а затем как можно дальше углубиться во Впадину от воды и корма. Затем они собирались вернуться вдоль реки, со стороны Впадины, в Рубио-Сити.

Едва скрывшись из виду основной партии, Хосе повернул прямо к реке. При таком уровне воды длинная песчаная коса выдавалась в поток, и от её края течение крепко несло к противоположному берегу.

«Тут переправимся», — коротко сказал индеец.

Соорудив грубый плот для припасов и переправив животных вплавь, они добрались до другого берега на некотором расстоянии ниже места отплытия без единой помехи и в ту ночь разбили лагерь поодаль от реки, на дельтовой земле.

День за днём они ехали от рассвета до темноты; изучая землю, оценивая расстояния и уклоны, наблюдая за руслами, прорезанными разливами, и следами высокой воды, отмечая характер почвы и растительности; порой вместе, порой врозь, а Хосе выбирал им места для стоянок и помогал своим индейским знанием этого края.

И всегда по вечерам, после долгого тяжёлого дня, когда ужин — приготовленный их же руками — был окончен, они с трубкой да самокрутками пересматривали свои наблюдения, сверяли записи, подводя итоги, прежде чем закутаться в одеяла и уснуть под звёздами.

Быть может, когда-нибудь, когда мир станет много старше и много мудрее, Цивилизация воздвигнет должный памятник в честь таких людей, как эти. Но пока Цивилизация слишком жадно грызётся из-за своего недавно нажитого богатства, чтобы признать свой долг чести перед теми, кто это богатство сделал возможным.

Но Провидец с его товарищем такими мыслями себя не занимали. Они думали лишь о том, возможно ли обратить тысячи акров пустыни Королевской Впадины в плодородные фермы. В этом видели они своё дело.

Они прошли всю Впадину до Одинокой Горы и обратно, к реке, почти напротив той рощицы тополей, где оставили экспедицию. Завтра к ночи они будут в Рубио-Сити.

«Эйб, — сказал Провидец, — наш водозабор пойдёт прямо здесь. Мы могли бы провести канал вдоль старого русла Сухой Реки миль на двадцать, поставить голову канала и отвести магистрали да отводы».

Часа два или три они обсуждали планы и расчёты, затем инженер захлопнул свою записную книжку. «Коли эти нью-йоркцы не станут слушать того, что я теперь могу рассказать им об этом крае, значит, они куда тупее, чем я о них думал».

«Стало быть, вы решили рискнуть своей догадкой на этом деле», — лукаво спросил Эйб.

Провидец рассмеялся, точно мальчишка. «Завтра вечером выезжаю в Нью-Йорк», — ответил он.

Во второй половине следующего дня они вышли на тропу Сан-Фелипе, в нескольких милях от Рубио-Сити. Быть может, именно вид той старой дороги, со всеми воспоминаниями для Провидца и его товарища, заставил инженера сказать: «Странная штука, Эйб, но не могу я отделаться от чудного чувства, будто жизнь Барбары как-то связана с тем краем, вон там». С этими словами он развернулся в седле, чтобы взглянуть назад, на Впадину. «Она словно принадлежит тому краю, и тот край, в каком-то смысле, принадлежит ей. Порой в её глазах есть такой взгляд, что напоминает мне пустыню, а пустыня всегда напоминает мне о ней. Одно я знаю точно, — закончил он с коротким смешком, — дай я волю кой-каким своим фантазиям на этот счёт, это бы меня навек погубило в моём ремесле».

Эйб не ответил, быть может, оттого, что у него тоже были свои фантазии — фантазии, о которых он не мог рассказать даже Провидцу.

Удивительно, какое облако пыли способны поднять пятеро животных на пустынной тропе. Покуда маленький отряд неспешно трусил вперёд, огромная жёлтая масса вздымалась в воздух высоко над их головами и висела — длинным, медленно плывущим шлейфом — над тропой, покуда не растворялась вдали.

Барбара, что выехала верхом из города на Месу, увидела то облако и остановилась, пристально разглядывая его несколько мгновений, точно решая какой-то вопрос. Затем, тронув коня шпорой, она стремительно поскакала навстречу приближающимся всадникам; покуда двое мужчин следили за пылью, поднятой копытами одинокого коня, с тем интересом, что всегда испытывают путники в безлюдных краях к любой жизни, что случайно попадаете им на пути.

«Эйб, это женщина», — воскликнул спустя время Провидец.

Эйб ничего не ответил. Этот занятный факт он заметил несколькими мгновениями раньше.

Инженер приподнялся в стременах. «Эйб, ставлю месячное жалованье, что это Барбара».

«Я не играю в азартные игры», — отозвался тот, улыбаясь волнению своего товарища. — «Я это знаю наверняка».

Большой инженер с ворчливым разочарованием опустил в седло. «Молодой человек, у тебя глаза, точно у стервятника», — сказал он, поворачиваясь лицом к товарищу. — «По всем правилам мне бы следовало сказать 'орёл', да только на этого благородного царя птиц ты не больно-то похож. Ты на себе столько грязи везёшь — впору коня хоронить».

Провидец снял сомбреро и принялся отряхивать пыль с собственных плеч, покуда землемер молча наблюдал за ним с усмешкой.

«По той пыли, что вы поднимаете, она решит, что тут какая-то заваруха идёт, да лучше свернуть в другую сторону».

«Как бы не так, чтоб она свернула в другую сторону от заварухи. Она бы ещё быстрее поскакала навстречу. Думал, ты Барбару лучше знаешь». Он снова надел шляпу. «Да вот, Эйб, как-то раз она была...»

Землемер прервал своего Шефа, в свой черёд приподнявшись в стременах и взмахнув шляпой в знак приветствия, покуда Провидец, размахивая собственным сомбреро и вопя, точно дикарь, позабыл, что собирался рассказать.

Девушка неслась им навстречу во весь опор и, направив коня меж двух покрытых пылью мужчин, протянула руку каждому из них.

ГЛАВА VI

МЕРА ЗАПАДА

Спустя три дня после того, как письма Провидца дошли до Эйба и Барбары с вестью, что Джеймс Гринфилд с товарищами берётся финансировать экспедицию для предварительных изысканий в пустыне Королевской Впадины, западный трансконтинентальный поезд высадил в Рубио-Сити пассажира из Нью-Йорка.

Незнакомец и вправду был приметным молодым человеком, с виду отменно выхоленным да породистым. Право слово, самый небрежный наблюдатель без колебаний признал бы в нём чистых кровей экземпляр — из лучших, что только производит порода людская.

Компания мужчин и женщин — по всему виду, дорожных знакомцев — проводила его от пульмановского вагона попрощаться да поглазеть на индейцев, что расселись длинным рядом у путей, разложив перед собой всё богатство своих сувениров, — предмет неизменного любопытства для путников с Востока.

«Ух ты!» — сказала рослая блондинка, увешанная браслетами, брошками, цепочками да амулетами — природными и рукотворными — куда больше, чем любая укутанная в одеяло скво из индейской партии. — «Полагаю, коли мы тебя ещё когда увидим, будешь ты цветом точь-в-точь как вон тот». Она указала на смуглого, медно-кожего папаго в зелёном головном платке да расшитой рубахе, что позировал в настороженной позе неподалёку от своей бережливой помощницы.

«Как это романтично, право!» — восторженно проворковала пышнотелая разведёнка, цепляясь за атлетическую руку молодого человека с лёгкой дрожью восхищения. — «Только подумать — ты в этом огромном, диком, первозданном краю, среди этих чудных людей. Тебе ни капельки не страшно?»

«Ей-богу, я почти жалею, что не еду с тобой. Ух, поохотишься ты тут знатно!» — воскликнул один из мужчин, покуда хор подхватывал: «Помрёшь со скуки!» «Не сыщешь ничего путного на стол!» «Да береги себя!»

Затем раздался предупредительный крик «По вагонам!» да звон паровозного колокола донёсся вдоль перрона, и посыпались быстрые прощания, и все бросились к вагону. Чернокожие проводники закинули подножки да вскочили следом. Плавны поплыли мимо длинные, покрытые пылью вагоны. С площадки обзорного вагона замахали платками да фуражками, а молодой человек обернулся с любопытством оглядеться.

«В отель?»

Незнакомец с сомнением поглядел на выдавшего виды местного жителя, что потянулся было к его чемодану, и, не отвечая, забрался в подозрительного вида пролётку, что стояла неподалёку. Возница закинул чемодан следом за седоком, взобрался на своё место и заорал на упряжку.

Никакая свита медно-пуговичных коридорных не бросилась встречать гостя у дверей отеля, а зал был битком набит компанией, чуждой глазу молодого человека из Нью-Йорка. Обожжённые солнцем мужчины во фланелевых рубахах да подпоясанных штанах беседовали с людьми, одетыми попроще, в обычных деловых костюмах; другие, в одних рубашках, сидели, покуривая с приятелями в синих комбинезонах; двое-трое носили револьверы, небрежно подвешенные на поясе к бедру. Тут и там сидел бледнолицый, при воротничке да галстуке, наряженный турист. В углу, у большого окна, компания дам — кто в белом полотне, кто в хаки или вельвете — сидела, болтая и наслаждаясь видом. Никто не обратил на новоприбывшего ни малейшего внимания. Выдавший виды возница пролётки с грохотом бросил чемодан у стойки и обернулся ответить на добродушное замечание, что бросил ему навстречу

весёлый, хорошо одетый мужчина неподалёку. Только клерк за стойкой обратил внимание на незнакомца.

«Есть у вас номер с ванной?»

Клерк улыбнулся. «Конечно, сэр». Затем, обращаясь к молодому парню, что болтал через сигарный прилавок с человеком в сапогах на высоких каблуках и со шпорами: «Джек, проводи джентльмена в сорок пятый».

В хорошо обставленном номере провожатый распахнул длинные французские окна и указал на койку на затянутой сеткой веранде снаружи. «Лучше спать на веранде», — предложил он от себя.

«Спать на веранде?»

«Как хотите», — донёсся ответ, покуда этот независимый молодец уже отворачивался.

«Постойте-ка!» Служащий отеля остановился. «Мне нужно, чтоб мой сундук доставили сюда немедленно».

«Само собой! Дайте ваши квитанции. Пока!»

Незнакомец так и остался стоять, уставившись на дверь, что бойкий парень захлопнул за собой с весёлым посвистыванием и крепким стуком.

В обеденном зале человек из Нью-Йорка нашёл ту же вольную непринуждённость в одежде, то же отсутствие условностей и ту же атмосферу общего товарищества; и всё же он не мог бы сказать, что тут вовсе не хватало настоящей учтивости, и уж точно не было слышно ни грубых, ни разнузданных разговоров. Это было, мягко говоря, тревожаще для отменно выходленного и породистого незнакомца, привыкшего к отелям и ресторанам Востока, что посещал его круг.

Ранним тем вечером восточный гость выступил в поход, явно намереваясь осмотреть достопримечательности. Он оделся для такого случая. Серый дорожный костюм он отложил ради сшитого на заказ вельветового наряда. Куртка — надетая без жилета, поверх тонкой шёлковой сорочки — была норфолкского покроя; штаны были для верховой езды, а над жёлтыми ботинками красовались гетры из свиной кожи. Всё это, вместе с лёгкой мягкой шляпой, опрятным галстуком да несомненно статной фигурой и приятным лицом, сделало бы его заметным на любых подмостках. Туристы оборачивались проводить его взглядом с восхищённой завистью; местные же — белые, красные, чёрные, жёлтые и смуглые — приняли его не более чем мимолётным взглядом, как ещё одну частицу той причудливой новой жизни, что железная дорога то и дело приносила в Рубио-Сити.

Спокойно осознавая собственную персону и открыто любопытствуя, с лёгкой снисходительностью, молодой человек прогулялся по одной стороне главной улицы до конца делового квартала, затем вернулся по другой. Дважды он обошёл круг, а затем, в поисках новых занятных зрелищ, толкнул качающиеся двери самого популярного заведения увеселений во всём Рубио-Сити — салуна «Голд-Бар».

За столиком в углу двое мужчин — один высокий, темнолицый, без куртки, в незастёгнутом жилете, с кожаными манжетами на запястьях, с тяжёлым револьвером, небрежно подвешенным на поясе вокруг его худого стана; другой — коренастый, грузный, краснолицый — вели оживлённую беседу за стаканами. Точнее сказать: оживлён был как раз краснолицый. Сверля товарища взглядом, он грохал своим огромным волосатым кулаком по столу так, что стаканы подпрыгивали.

«Чёртов ты старый дикарь со своими байками. На что вообще годится твой край, каков он есть? Тысяча квадратных миль его зайца не прокормит. Это ж пылающая, шипящая, жарящая пустошь из песка да кактусов, не годная ни на что, окромя тех гремучек, рогатых жаб, ядозубов да всей их ядовитой родни, включая тебя самого».

Нью-йоркец, стоявший у стойки бара неподалёку от столика, за которым сидели «дядюшки» Барбары, только что прибывшие с рудников Голд-Центра, услышал слова Пэта и с весёлым любопытством повернулся к обоим приятелям.

Техасский Джо молча поднял свой стакан и, с нескрываемым восхищением поглядев на своего воинственного партнёра, ждал продолжения. Продолжение пришло с очередным ударом огромного кулака.

«Цивилизация тебе нужна, и цивилизацию мы тебе несём, и цивилизацию тебе придётся принять, хочешь ты того или нет. Взгляни-ка на Провидца! Один такой джентльмен с мозгами да образованием, как он, стоит для этого края больше, чем все горлопанистые дикари вроде тебя, сколько их ни есть меж побережьем и Оклахомой, которая и то не намного лучше, чем была. Мы принесли тебе деньги; мы принесли тебе школы; мы принесли тебе железные дороги; и будем и дальше нести тебе блага да радости цивилизации, покуда не исправишься да не заживёшь по-христиански».

Он умолк. Техас с детской простотой уставился на безупречную фигуру незнакомца в гетрах. Пэт обернулся проследить за взглядом товарища как раз в тот миг, когда степняк мягко протянул: «А ещё вон то нам принёс». Тяжёлая челюсть ирландца отвисла. Он ахнул и сглотнул, точно неотёсанное чудище. Затем — онемев — осушил стакан.

Лицо незнакомца вспыхнуло, но он не тронулся с места.

«Партнёр, — протянул Техас, — твои речи и вправду поучительны да весьма убедительны. Но всё же меня тянет засвидетельствовать, что истинная причина упадка славы этого великого западного края — плохая стрельба. А та, в свой черёд, вызвана тем, что понаехавшие стада изнеженного Востока такие многочисленные, что мешают тренироваться в стрельбе».

«Стрельба, значит?» — перебил тот с рёвом. — «Мужику — заметь: мужику — должно быть стыдно ходить кругом всё время с пушкой, привязанной к пузу. Это ж примета дитяти. Ты глянь на себя — со всем твоим арсеналом, а я вот пальцами, что отродясь на курок не жали». Он вытянул свои огромные лапищи и залюбовался ими. «Да я ж, вяленая ты рыба, этими двумя руками тебя переломлю, вместе с пушкой, как я уже...»

Его перебил какой-то субъект с диким взглядом, что ворвался с улицы, кинулся к ним и выпалил: «Дай мне свою пушку, Техас, живо! Своей-то у меня нет, а этот чёртов Рыжий Хойт караулит меня на углу!»

Техасский Джо ласково опустил свою худую руку на большой сорок пятый на боку, непринуждённо откинулся на спинку кресла и оглядел взволнованного горожанина спокойным, судейским взором. «Билл, ты подоспел весьма кстати. Уж больно ты вовремя явился».

«Дай мне пушку, Текс. Одолжи, слышь! Я мигом верну».

«О, я вовсе не сомневаюсь, что ты бы вернул её честь по чести, Билл. В том-то и вся суть. Когда ты вот этак ворвался ни с того ни с сего да прервал наше собрание, мы с моим другом как раз решали, что уж больно много плохой стрельбы развелось в этом Рубио-городке. Она пятнает доброе имя да губит репутацию всего этого края. По каковой причине мы вдвоём и взяли малость навести порядок да реформы устроить». Он с изысканной вежливостью повернулся к Пэту. «Верно я твои чувства выражаю, партнёр?»

Кулак ирландца ударил по столу, и глаза его сверкнули. «До самого волоска на пятке комара», — прорычал он.

Техас поклонился и продолжал: «Стало быть, Билл, вот наш вердикт. Ты мирно лагерь встанешь прямо тут, покуда я схожу да приведу этого Рыжего Хойта, что тебе досаждаёт. Поставим вас в пятнадцати шагах друг от друга, без всяких помех для церемоний, да и бросим шляпу. Мы с другом судим это дело и берёмся проследить, чтоб останки были должным образом преданы земле со всеми полагающимися почестями. Смекаешь?»

Кровожадный посетитель, буркнув что-то насчёт того, что сам займётся своими похоронами и раздобудет пушку в другом месте, тихо и быстро вышел вон.

Прежде чем задиристый Пэт успел высказать своё возмущение и разочарование от исчезновения искателя приключений, тихий, презрительный смешок ладно скроенного незнакомца у стойки привлёк внимание обоих приятелей. Молодой человек наблюдал за ними с весёлой улыбкой.

Техасский Джо с ирландцем задумчиво переглянулись. «Партнёр, — сказал Текс тихим, серьёзным тоном, — как думаешь, не была ли эта весёлость каким боком направлена в наш угол комнаты?»

Незнакомец, получив сдачу от бармена, неспешно направлялся к двери, когда путь ему заступила грузная туша Пэта. Ошибиться в выражении на битой-перебитой физиономии ирландского гладиатора было невозможно. Свирепо оглядывая статного восточного гостя, он прорычал с нарочитым значением: «Ты, никак, находишь немало забавы в личных делах меня да моего друга. Думаешь, мы тут пара развесёлых плясуний, чтоб потешать всех этих чёртовых франтов, что сбегаются на нас поглазеть, покуда мамочки их не хватились?»

Тот смерил его благовоспитанным удивлением. «Отойди», — коротко сказал он.

«Ого! Стало быть, уйдёшь, толком не извинившись за своё безобразное поведение, а? Карету тебе понадобится, чтоб домой доставили, как я тебя манерам обучу, желторотый ты петушок!»

Он поднял кулаки, а незнакомец, не отступив ни на дюйм и не выказав ни малейшего намёка на страх, но, напротив, со спокойной уверенностью тренированного атлета, приготовился к схватке.

С жадным интересом завсегдатаи заведения — старатели, ковбои, ранчеро, авантюристы, мексиканцы, индейцы — собрались вокруг обоих мужчин, довольные перспективой того, что обещало быть отнюдь не скучным зрелищем. Уже сделаны были ставки, и свободно раздавались критические оценки да сравнения достоинств обоих противников, когда чья-то рука легла на поднятую руку Пэта. Обернувшись с проклятием ярости от такой помехи, ирландец оказался лицом к лицу с Эйбом Ли.

«Здорово, Пэт! Развлекаешься, как обычно?» На гневные протесты толпы долговязый землемер не обратил ни малейшего внимания.

С минуту ирландец, глядя вверх, в это худое, загорелое лицо, оставался безмолвен, точно узрел привидение. Затем с радостным воплем стиснул поджарую фигуру помощника Провидца в медвежьих объятиях. «Ради Бога, неужто ж это ты, старый ты песчаный крыс? Откуда ж тебя чёрт принёс, и что ты делаешь в этакой непотребной компании? Гляньте на дядюшку Текса! Старый сентиментальный дикарь прям слюной исходит от радости да нетерпенья к тебе подобраться. Идём, идём, надо выпить».

Так же быстро, как поднялась, буря улеглась. Толпа, точно повинувшись единому порыву, разошлась, и зал наполнился громким говором да смехом. Оглядевшись, Пэт встретил всё ещё вызывающий взгляд незнакомца, что так и не сдвинулся с места, а спокойно наблюдал за ирландцем и Эйбом, точно дожидаясь дальнейшей воли того, кто ему угрожал.

Ирландец усмехнулся, оценив это. «Погоди-ка минутку», — сказал он Эйбу, что уже отходил вместе с Техасским Джо к свободному столику. Затем обратился к незнакомцу: «Прошу прощенья, сэр, что этак взбеленился. Есть у меня такая привычка, на беду мою, — чувствителен я, видишь ли, к своей наружности, да и не прочь малость честно повеселиться. Коли выпьешь со мной да с моими друзьями, приму это с благодарностью, покуда не сыщем повода получше для распри».

Напряжённая фигура молодого человека расслабилась. Улыбка озарила его лицо. «А я прошу прощенья», — сердечно сказал он. — «По правде, я вовсе не над вами смеялся, а над тем, как вы двое раскусили блеф того малого, что просил пушку. Стоило мне так и сказать да извиниться, но я тоже был малость не в себе да застигнут врасплох».

«Ей-богу, а мне sdалось, что как раз ты-то в себе и был. Наука в тебе есть, или я голландец». Он оглядел атлетические конечности, широкую грудь, крепкие плечи да ладную голову незнакомца взглядом, что искрился одобрением. «Когда-нибудь — да ладно, не сейчас! Идём». Он повёл его к столу.

Усевшись, Пэт разглядывал землемера с довольным любопытством. «Ну и ну! Мир и вправду полон неожиданностей. Кабы сам старый дьявол хлопнул меня по плечу, я б не больше удивился, чем при виде вот этого парня. Скажи-ка нам, дружище, что ж тебя сюда привело».

«А вы двое ещё не были у Барбары?» — потребовал землемер, точно уличая их в какой-то забытой обязанности.

«Не были; и по тому ты поймёшь, что мы в этом городе меньше часа, коли судить по часам Текса, что ему Барбара подарила, а он их обронил в шахту в Голд-Центре».

Когда землемер объяснил своё присутствие в Рубио-Сити, а Техас с Пэтом согласились присоединиться к партии на Королевскую Впадину, незнакомец сказал: «Полагаю, самое время представиться. Вы мистер Ли, если не ошибаюсь».

Эйб подтвердил, и оба его товарища с интересом оглядели незнакомца.

Достав из кармана письмо и подавая его землемеру, молодой человек продолжал: «Я инженер-путеец. У меня указания от Шефа явиться к вам с докладом. Меня зовут Уиллард Холмс».

На следующее утро молодой инженер с Востока предъявил свою визитку в банке «Пионер» и спросил мистера Уорта. Человек, принявший аккуратно гравированный кусочек карттона, лишь кивнул в сторону дальнего конца длинной перегородки из полированного дерева, зеркального стекла и бронзовых прутьев. «Найдёте его вон там, мистер Холмс».

Нью-Йоркец усмехнулся такой провинциальности, но без лишних церемоний направился к банкиру.

Прикрыв дверь одной рукой, Джефферсон Уорт другой указал на кресло у края своего стола. «Присаживайтесь».

«У вас есть письмо от мистера Гринфилда насчёт моего приезда?» — спросил Уиллард Холмс.

Банкир поднял со стола отпечатанный на машинке лист, взглянул на него и снова обратился к гостю. «Да», — сказал он.

Это невольное движение было инстинктивным жестом человека, привыкшего сверять каждое сказанное слово. Затем, когда эти бесстрастные голубые глаза остановились на лице незнакомца, инженер ощутил, точно из-за той серой маски что-то потянулось, чтобы схватить его сокровеннейшие мысли и чувства. Он почувствовал себя странно прозрачным и незащищённым, точно человек в освещённой комнате ночью, за которым кто-то наблюдает из темноты, через окно. Спустя мгновение бесцветный, точный голос Джефферсона Уорта спросил: «Это ваша первая поездка на Запад?»

«Да, сэр. Моя работа была целиком в Нью-Йорке и в штатах Новой Англии».

«Пять лет в Нью-Йоркской подрядно-строительной компании?» — точно уточнил Джефферсон Уорт, снова кладя руку на письмо на столе.

«Да. Последние два года я руководил их наиболее крупными операциями». Тон инженера прозвучал с лёгким оттенком значительности.

Но ни малейшего намёка, ни тени того, что это произвело впечатление, не отразилось на лице или в манере того человека в вертящемся кресле. С тем же успехом гость мог бы обращаться к стальной двери большого сейфа в соседней комнате. «Вы хорошо знакомы с мистером Гринфилдом и его товарищами?»

«Мой отец и мистер Гринфилд дружили с мальчишеских лет, вместе учились в колледже», — объяснил инженер. — «С тех пор как отец умер, когда я был совсем малышом, я живу у дядюшки Джима. Он был моим опекуном, покуда я не достиг совершеннолетия».

Молодой человек не счёл нужным добавить, что смерть отца оставила его без гроша и что друг его отца, так и не женившийся, вырастил и воспитал сына своего старого товарища по колледжу как родного. Не стал он объяснять и того, что своим быстрым продвижением по службе обязан был по большей части могущественному влиянию капиталиста и его близкого окружения, а также прочному общественному положению, данному ему по рождению, — куда больше, чем упорному труду и опыту. Пожалуй, и сам Уиллард Холмс не вполне сознавал, сколько всё это добавило к его собственным природным способностям и техническому образованию. Он никогда не знал ничего другого и принимал всё это так же безотчётно, как акцент культурного Востока, окрашивающий его речь.

«Как вы оцениваете это дело с Королевской Впадиной?» — спросил банкир.

Уиллард Холмс снова усмехнулся словам этого западного человека. «Оценивать» и «дело» были для него приятно непривычными оборотами речи. «Право же, — ответил он, — я ещё не вник в него достаточно глубоко. Мистер Гринфилд попросил меня приехать, потому что он с товарищами сочли...» — он замялся; пожалуй, лучше было не говорить, что именно сочли мистер Гринфилд с товарищами, — «что при моём опыте работы с крупными корпорациями я мог бы быть им полезен в известных сторонах дела», — закончил он. Он гадал, уловил ли этот человек, что слушал с таким видом, точно тщательно взвешивал каждое слово и мысленно тянулся за тем, что скрывалось за произнесённым, — что именно он собирался сказать.

Джефферсон Уорт ждал, и Холмс продолжил: «Мистер Гринфилд с друзьями весьма желают, чтоб вы присоединились к ним в учреждении этой компании, мистер Уорт; то есть, разумеется, при условии, что дело окажется осуществимым. Они поручили мне лично просить вас рассмотреть их предложение благосклонно и, во что бы то ни стало, попросить вас представлять их интересы в этой экспедиции, коли это возможно. Они понимают, что человек вашего признанного дара и положения в финансовом мире, особенно на Западе, столь тесно связанный с Капиталом и с положением дел в этом крае, да, без сомнения, знакомый с делом Освоения земель, стал бы ценным приобретением для их сил. По правде, могу сказать, они во многом полагались бы на ваше суждение — осуществимо ли это дело с деловой точки зрения. С вашей же стороны, уверен, вы понимаете выгоду от союза с такой группой капиталистов, что достаточно сильны, чтобы профинансировать любое дело, сколь бы велико оно ни было. Их интересы уже огромны. Как вы знаете, они действуют только в самом крупном масштабе, и коли эти изыскания подтвердят уже сделанный доклад, они сделают из этого большое дело для всех заинтересованных сторон».

Холодный, точный голос Джефферсона Уорта прозвучал, точно от машины, не способной на интонацию. «Я написал мистеру Гринфилду, что рассмотрю это дело для него. Я поеду с упряжкой. Вы уже виделись с Эйбом Ли?»

«Мы встретились прошлым вечером, малость потолковали о делах. Признаться, я был несколько удивлён».

«Чем же?»

«Ну — тем, что за старшего он. Мне сказано было явиться к нему с докладом. Оказалось, что образования он никакого не получил; что он, по сути, всего лишь своего рода самоучка-землемер. Не сомневаюсь, что он толковый, практичный малый, но мне кажется несколько опрометчивым доверять ему такую ответственную должность».

Джефферсон Уорт не стал говорить, что и сам получил образования не больше, чем помощник Провидца. Быть может, и это не требовало объяснений. Он лишь сказал: «У нас на Западе только одна мера, мистер Холмс».

«И какая же?»

«Что ты умеешь делать», — прозвучали слова, точно произнесённые холодным железом.

ГЛАВА VII

РАЗВЕ ВАМ НЕ НРАВИТСЯ МОЯ ПУСТЫНЯ, МИСТЕР ХОЛМС?

После полуденной трапезы Уиллард Холмс, следуя примеру прочих, укрылся в тени галереи перед отелем. Взяв себе кресло и отодвинувшись немного от общей компании, он уселся насладиться сигарой, размышляя о необычности своего окружения и перебирая в памяти впечатления последних нескольких часов.

Естественно было, что он невольно сравнивал — видел людей и вещи в свете тех единственных людей и вещей, что были ему знакомы прежде. Эйба Ли он мерил меркой своих школьных, академически обученных друзей-инженеров, требуя от рождённого и выученного пустыней землемера всех отличительных признаков Бостона. С тем же успехом он мог бы требовать, чтобы поток солнечного света, что изливался с такой слепящей пышностью на открывшийся ему новый мир, светил сквозь закопчённую городскую дымку Нью-Йорка. Одно было ничуть не менее невозможно, чем другое. Джефферсона Уорта он сравнивал с друзьями своего отца по колледжу и университету — с мистером Гринфилдом и деловыми людьми нью-йоркской закваски его круга, требуя, чтобы западный банкир-пионер выказывал те же черты, что отличали культурных капиталистов, чьи прапрадеды сами были пионерами. Рубио-Сити он видел в свете тех восточных городов, что были основаны в дни, когда люди ещё не знали, что за Аллегансами вообще есть какой-то мир.

Время от времени поворачивая голову, чтобы оглядеть типичные группы, что расположились в тени галереи, одетые — а то и полуодетые — с той вольной свободой края, ещё слишком молодого, чтобы обзавестись условностями, он вспоминал свои любимые отели в родных городах и усмехался, представляя, что случилось бы, появившись кто из этих грубо одетых личностей там, среди гостей. Он ещё не знал, что кое-кто из этих грубо одетых личностей был у себя дома в тех самых любимых отелях не хуже его самого. Точно так же, наблюдая за прохожими на улице, он вспоминал вид из окон своего клуба у себя дома — знаменитого клуба на знаменитой авеню.

Вот, к примеру, та молодая женщина, в раздельной юбке хаки, широком сомбреро, перчатках с бахромой, восседающая в большом западном седле на коне, чьи копыта, казалось, едва касались земли, покуда он рвался и гарцевал нетерпеливо, отпрыгивая вбок, вскинув шею и прижав уши, при виде всякого предмета, что его игривая фантазия могла бы обратить во что-то пугающее! Какую бы сенсацию она произвела у него дома! Ей-богу, а ведь и правда мастерски держится в седле. Он наблюдал восхищёнными глазами за крепкой, изящной фигурой, что сидела на нервном, норовистом коне так легко и непринуждённо, как любая из его светских знакомых дома расположилась бы в удобном кресле.

Покуда всадница приближалась, он невольно принялся гадать, какова она из себя. Способна ли она, скажем, говорить о чём-то кроме незамысловатых подробностей своей же грубой жизни? Он пожал плечами, вообразив её неловкие попытки поддержать разговор, её неотёсанный язык, её сырые выражения. Девушка повернула коня к входу в отель. Когда она подъехала ещё ближе, он увидел, что она вовсе не хороша собой. Рот слишком велик, лицо слишком волевое, кожа слишком загорелая от солнца и ветра.

У тротуара девушка легко соскользнула из седла и, перекинув поводья через голову коня движением, что раскрыло всю прекрасную линию её фигуры, повернулась спиной к бьющему копытом, беспокойному животному с таким же спокойствием, точно передала его на попечение вышколенного конюха при полном параде. Нет, хороша собой она не была; она была — великолепна. Само это слово невольно навязалось ему.

Вдоль всей галереи люди улыбались ей в приветствии, мужчины приподнимали шляпы. Двое ковбоев в сапогах на высоких каблуках и «чапсах» задержались, проходя мимо. «Этот новый ваш конь и впрямь хорош, мисс Барбара», — восхищённо сказал один, держа сомбреро в руке.

Девушка улыбнулась, и Холмс увидел блеск её безупречных зубов. «О, стодится, Боб, как только я его малость объезжу».

Она прошла в отель, провожаемая взглядами всех мужчин в поле зрения, включая самого инженера, что с удивлением заметил чистоту и звучность её голоса.

Нью-йоркец обернулся и наблюдал за компанией индейцев дальше по улице, когда тот самый голос совсем рядом сказал: «Прошу прощения. Это мистер Холмс?»

Он резко обернулся, поднимаясь на ноги.

Она улыбнулась его изумлённому виду. «Клерк указал мне на вас. Я Барбара Уорт. Вы виделись с отцом в банке нынче утром. Техасский Джо с Пэтом рассказали мне, что вы здесь, и я едва дождалась встречи с вами. Боюсь, вам могло показаться, что они малость грубоваты вчера вечером, но, право, это лишь их манера веселиться. Они добрые, как золото».

Покуда она стояла теперь совсем близко от него — горячая кровь румянцем проступала под мягким заггаром её щёк, — Уиллард Холмс ощутил всю силу её натуры так же явственно, как чувствуют присутствие океана, дух леса или дыхание лугов и полей. Но, ей-богу, всеми его светскими богами клянусь, это переходило всякие границы приличия! Чтобы эта девушка, дочь банкира, открыто разыскала совершенно незнакомого человека, чтобы представиться ему прямо на людной улице, перед толпой праздных завсегдатаев отеля! А как она говорила о тех грубых мужланах в салуне — можно было подумать, что это её близкие друзья.

Ему удалось выговорить: «Право же, я в восторге, мисс Уорт. Позвольте проводить вас в гостиную отеля?»

Она поглядела на него с любопытством. «О нет, что вы! Тут, на галерее, гораздо приятнее, разве не находите? Но можете принести ещё одно кресло». Безмолвно он повиновался, чувствуя, что все взгляды устремлены на него, и краснея от смущения за неё.

«Когда Техас с Пэтом сказали мне, что вы один из инженеров, что едут с партией на Королевскую Впадину, я едва могла дожждаться встречи с вами. От этого всё кажется таким настоящим, знаете ли, — что вы приехали в такую даль, из самого Нью-Йорка. Я так много мечтала об освоении пустыни Королевской Впадины; а видите ли, я всех инженеров-путейцев считаю своими личными друзьями».

«В самом деле», — сказал он. Всегда безопасно и уместно сказать «в самом деле», как сказал он, особенно когда сказать больше нечего.

Она с сомнением оглядела его открытым, прямым взглядом, что немного смутил. Она была так безотчётна к силе своей великолепной женственности, а он так живо ощущал её присутствие.

«Полагаю, вам тут всё должно казаться очень странным», — медленно сказала она. — «Отец говорит, это ваша первая поездка на Запад, и, конечно, у нас всё не так, как в ваших краях».

«Всё это весьма интересно», — пробормотал он. Это тоже было разумно и безопасно.

«Я знаю, что Эйб очень занят, а отец не отлучается из банка иначе как по делу, так что присмотреть за вами некому, кроме меня, — она улыбнулась, — то есть — из наших, кто связан с Королевской Впадиной».

Уиллард Холмс принадлежал к тому типу служащих корпорации, что не признаёт иных интересов, кроме финансовых интересов нанявшего их капитала. Его услуги инженера-путейца целиком принадлежали тем, кто их покупал ради собственной выгоды. Невинные слова Барбары его насторожили. Что, чёрт возьми, она хотела сказать своими «нашими, кто

связан с Королевской Впадиной»? Гринфилд с товарищами полагали, что это именно они и есть люди Королевской Впадины. В интересах своих нанимателей стоило в этом разобраться.

«Но я ведь не езжу верхом, знаете ли».

«Это очень любезно с вашей стороны, я уверен», — сказал он с чуть большей теплотой. — «Признаться, мне и правда было немного не по себе, знаете ли».

«Уверена, вы, должно быть, чуть не помираете со скуки. Не хотите ли прокатиться? Мне так хочется показать вам мою Пустыню».

«Её Пустыня!» — мысленно отметил он. Право, стоило в этом разобраться. Теперь уже вполне настороже, он сердечно ответил: «С восторгом, уверен. Вы более чем любезны. Когда мы могли бы поехать?»

«Прямо сейчас», — быстро сказала она. — «Вот и Пабло Гарсиа идёт. Пошлю его за другой лошадей». Она окликнула проходившего мимо мексиканца: «Эй, Пабло».

Молодой человек быстро подошёл к ней и остановился, сомбреро в руке, тёмные глаза его сияли гордостью от того, что его узнали. По-испански она велела ему привести коня для сеньора.

«Си, сеньорита». С низким поклоном мексиканец повернулся исполнять поручение.

Восточный гость, не понимая слов, но вдруг осознав смысл этого действия, воскликнул: «Постойте-ка, минутку».

«Постой», — повторила Барбара по-испански. Пабло остановился.

«Вы посылаете его за конём и седлом?» — спросил Холмс.

«Да; это займёт всего пару минут».

«Но я ведь не езжу верхом, знаете ли».

«Вы не ездите верхом?» Девушка поглядела на него в полнейшем изумлении. «Не думаю, чтобы мне доводилось прежде встречать мужчину, что не ездит верхом».

Он снисходительно рассмеялся. Что-то в её голосе и манере задело его чувство юмора. «Мне очень жаль. Знаю, что должен бы», — сказал он с притворным смирением.

«Ну что ж; можем поехать в коляске. Пусть Пабло приведёт упряжку». Она объяснила мексиканцу, чего хочет, на его родном языке, и на этот раз он вскочил на её же коня и ускакал.

Когда мужчина вернулся немного погодя с парой беспокойных, полудиких мустангов, запряжённых в лёгкую коляску, девушка забралась внутрь и как само собой разумеющееся взяла в руки вожжи. С тихим смешком, забавляясь ситуацией, инженер занял место слева от неё. Он и вправду начинал наслаждаться происходящим. Упряжка, шарахаясь и рвясь, требовала всего внимания Барбары, но она ухитрилась то и дело украдкой поглядывать на своего молчаливого спутника, точно ожидая от него признаков тревоги. Уиллард Холмс, со своей стороны, был всецело поглощён немой восхищением её силой и мастерством.

«Скоро остынут малость», — заметила девушка, точно желая успокоить гостя, после особенно бурного рывка со стороны лошадей. Но на самой окраине города, где дорога для фургонов проходит совсем близко к железнодорожным путям, встречный манёвровый паровоз оказался слишком для взбудораженной упряжки. В единый миг перепуганные животные во весь опор понесли к Месе. Изо всех сил Барбара боролась, стараясь вновь взять их под контроль, но руки её были всё же женскими руками, и лошади, быстро смекнув своё преимущество, прижали уши и понеслись ещё быстрее в диком неповиновении.

Девушка вовсе не испугалась; она была раздосадована. «Я... боюсь, они понесли», — выдохнула она наконец.

К её удивлению, единственным ответом на это признание послужил сердечный смех. Она бросила быстрый взгляд через левое плечо. Её спутник откинулся на сиденье, лицо его выражало живейшее удовольствие.

Затем девушка ощутила, как большое крепкое плечо прижалось к её плечу; длинные могучие руки протянулись поверх её рук; и две властные ладони сомкнулись на вожжах над её онемевшими пальцами. Она отпустила поводья и отстранилась с облегчённым вздохом и — да, со взглядом, полным восхищения, покуда лошади, после нескольких диких прыжков и тщетных попыток снова сорваться в галоп, перешли на более разумный ход.

«Батюшки!» — выдохнула она при виде такой силы инженера. — «Верю, вы бы им и передние ноги от земли оторвали».

Её спутник всё ещё улыбался.

«Отчего ж вы не сказали, что умеете править?» — потребовала она.

Он лукаво усмехнулся, ибо понимал, отчего она с самого начала взяла вожжи, и не был бесчувственен к смыслу её взглядов в начале поездки. «Вы не спрашивали, а к тому же мне доставляло удовольствие смотреть, как вы с ними управляетесь».

«Но вы же сказали, что не ездите верхом», — с укором сказала она.

«И не езжу, — отозвался он. — То есть никогда не ездил; не так, как ездите верхом вы, местные». Затем он снова рассмеялся. «Признайтесь-ка. Разве вы не ждали, что я выскочу, там, назад?»

«Ни в чём я не признаюсь», — резко отпарировала она. — «И впредь ничего не буду принимать на веру».

На возвышенности у подножия холма, у входа в каньон, она попросила его развернуться и остановиться. Уиллард Холмс был слишком занят упряжкой и девушкой, чтобы приметить пейзаж; и теперь тот дивный вид на Месу, Королевскую Впадину и горы обрушился на него без предупреждения. Ни один здравомыслящий человек не мог бы остаться равнодушным к величию этой картины. Мужчина, чей взгляд прежде видел лишь восточные пейзажи, что несли на каждом квадратном футе своих скромных пределов свидетельства человеческого присутствия, молчал — благоговейно поражённый мощным простором пустыни, что лежала такой, какой её сотворили созидающие силы, создавшие мир. Наконец, отвернувшись от этой великолепной, вечно меняющейся картины, сотканной из красок золота, розы, лилового, пурпурного и синего, к девушке, чьи глаза вопрошающе были устремлены на него, он тихо сказал: «Всегда так?»

Барбара кивнула. «Всегда так, но всегда по-разному. Никогда не то же самое, но всегда то же самое. Как... как сама жизнь. Понимаете?»

Он снова обратился к этой картине в молчаливом изумлении.

«Вам нравится моя Пустыня?» — спросила она, спустя время.

Его разум ухватился за это выражение. «Хотите сказать, что это и есть Королевская Впадина — что мы едем работать именно туда?»

«Ну да, конечно». Она нервно рассмеялась. «Вам не нравится?»

«Нравится?» — повторил он. — «Но там кто-нибудь живёт?»

Она была поражена его словами. «Живёт там? Конечно, нет. Но вы же собираетесь сделать так, чтобы тысячи и тысячи людей смогли там жить — вы и остальные. Разве не понимаете?» В её голосе прозвучала нотка нетерпения.

«Боюсь, я этого не сообразил», — медленно ответил он.

«Вот в том-то и дело!» — воскликнула она, теперь уже по-настоящему взволнованная, говоря со страстью. — «Вот в этом-то и беда с вами, восточными людьми; вы не понимаете. Годами добрый старый Провидец и ещё немногие пытались открыть вам глаза на то, какая тут работа предстоит, а вы даже головы не поднимете от своих старых грядок, чтобы уделить им разумное внимание. Думаете, эта Королевская Впадина велика? Да Провидец говорит, что кабы каждый фут этой земли был возделан, это была бы просто клумба с цветами рядом с тем, что ещё предстоит сделать на Западе. Полагаю, вы, должно быть, совершили немало великих дел в своём деле, мистер Холмс, иначе те капиталисты не послали бы вас сюда; но вряд ли вы совершили что-то, что значило бы для мира столько же, сколько будет значить через сто

лет освоение пустыни Королевской Впадины, потому что это дело заставит людей осознать — неужели непонятно?»

Лицо молодого инженера вспыхнуло от её слов, и, наблюдая её волевое лицо, сияющее воодушевлением от мечты Провидца, он ощутил, как сладостная власть её натуры захлёстывает его, точно ветер с пустыни. Он был точно околдован — не только притяжением её великолепной женственности, но и чем-то ещё — чем-то, что было сродни тому самому краю, о котором она говорила с такой страстью. И он вспомнил, как гадал, способна ли эта девушка вообще говорить!

Он снял напряжение момента, протянув ей вожжи и сказав с чудаковатой усмешкой:

«Вот, теперь вы правьте».

Она поняла его намёк и с признательностью улыбнулась. «Спасибо, но мне не хочется править. Это ведь, право, мужское дело, знаете ли. Полагаю, — добавила она, — вы считаете меня дерзкой, мужеподобной, грубой и всем прочим, чем девушке быть не подобает, но я...» — она отвернула лицо, и голос её задрожал, — «но вам не понять, мистер Холмс, что эта пустыня для меня значит».

«Быть может, я и не понимаю, — серьёзно сказал он. — Но в одном я уверен: за каждым по-настоящему великим делом, что когда-либо было свершено в любую эпоху, непременно стояла такая женщина, как вы».

Затем они поехали обратно к отелю, где она его высадила и сама отправилась в конюшню. Спустя несколько минут он снова увидел, как она проезжает мимо, уже на своём собственном резвом коне.

В течение двух недель, что оставались до возвращения Провидца, покуда Эйб Ли был занят подготовкой к работе в Пустыне Барбары, Уиллард Холмс с девушкой часто бывали вместе. Человек из Нью-Йорка признавался, как показалось Барбаре, не без некоторой гордости — точно само это признание каким-то образом утверждало превосходство Востока, — что он до крайности несведущ во всём, что касается Запада. Но, судя по всему, не замечая этого тонкого допущения в манере своего признания, она со смехом взялась за его образование. Прежде всего, ему следовало научиться ездить верхом.

«По правде, — попробовал он возразить, — не думаю, что меня особо влечёт к этой забаве. Я никогда этим не увлекался у себя дома, знаете ли, но, конечно, коли уж так тут принято, что ж...»

«Забаве!» — рассмеялась она. — «Верховая езда — не забава; это необходимость. Конь для нас — трамвай, и железная дорога, и пароход разом. Там, где вы думаете кварталами и площадями, мы думаем милями; а там, где вы думаете милями, мы думаем сотнями миль. Двух ног в этом краю мало, вот мы и удваиваем счёт да пускаемся на четырёх. Вы ещё пожелаете себе восемь, прежде чем вернётесь из Королевской Впадины».

Так что, по её велению, Техасский Джо раздобыл ему коня, и почти каждый день после полудня они оба были в сёдлах. И каждый вечер, за сигарой в отеле, инженер ловил себя на том, что перебирает в памяти случаи и разговоры этой поездки, невольно дивясь тому или иному новому, неожиданному откровению разума и характера этой западной девушки, что так живо интересовалась делом освоения земель и так безотчётно относилась к своей женской власти. Он быстро начал с нетерпением ждать часов, проведённых вместе, и придумывать да проводить всевозможные разговорные опыты. Неизменно он получал свою награду.

Однажды днём он искусно попытался направить разговор к тому, чтобы поведать ей — вполне без хвастовства — о гордой истории и общественном положении своей семьи, и о собственном ранге в высшем восточном свете.

Она терпеливо потакала ему, помогая наводящими вопросами да простодушными, восхищёнными восклицаниями и замечаниями, покуда он не уверился окончательно, что произ-

вёл на неё должное впечатление. Тогда она сказала тоном искреннего сочувствия: «Только не стоит из-за всего этого так уж переживать, знаете ли».

«Переживать?» — эхом отозвался он в изумлении.

Она серьёзно кивнула, хотя в глазах её мелькнул огонёк озорства. «Да, я понимаю, что мужчине, должно быть, тяжело справляться с работой, будучи так стеснённым, как вы, но никто здесь, в этих краях, не станет ставить это вам в вину. У каждого мужчины тут есть свой шанс, каково бы ни было его прошлое. Видите ли, нас не заботит, кем был человек прежде или кем были его отцы; мы принимаем его таким, каков он есть, и ценим за то, что он умеет. Так что всё, что вам нужно, — это забыть об этом да идти прямо вперёд со своей работой, и вы легко всё это переживёте. Только, разумеется, — добавила она мягко, — я бы не советовала вам рассказывать всем то же, что вы рассказали мне. Не все могут это понять».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.